

№8-9

Август-сентябрь 2008

ТРУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

*От Внешторгбанка к ВТБ.
Расширяя горизонты...*

Когда мы стремимся к намеченным целям, мы объединяем опыт, знания и силы, чтобы двигаться вперед и подняться на новую высоту.

9 банков в 8 странах СНГ и Европы.
Одно имя — ВТБ.

8 (800) 200-77-99
(звонок по России бесплатный)
(495) 739-77-99 (московский номер)

ОАО Внешторгбанк. Генеральная лицензия Банка России №1000

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Инна Кулишова, Арсен Еремян,
Нелли Узнадзе, Донара Канделаки

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Элбакидзе-Мачавариани,
Алена Деняга

№8-9
(35-36)
Август-сентябрь 2008

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2;
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕСТИВАЛЬ	ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ НЕ ПРЕРЫВАЕТСЯ	4
ТРАДИЦИЯ	«СТИХИ – НЕ ТЕКСТЫ, НЕ ФРАЗЫ, А ЖИЗНЬ ВОПРОКИ ВСЕМУ»	5
ЗА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ДНЕЙ ДО ВОЙНЫ	СЛОВО – УЧАСТНИКАМ ФЕСТИВАЛЯ	8
ВСТРЕЧА С МАСТЕРОМ	«ПОЭЗИЯ – НЕ РАЗВЛЕЧЕНИЕ, А ПРИГЛАШЕНИЕ РАЗДЕЛИТЬ С АВТОРОМ ЕГО СКОРБЬ»	14
ИЗ ПЕРВЫХ УСТ	ПУТЬ ПУШКИНА ИЗ ЭСТОВ В ГРЕКИ	19
ДАЙДЖЕСТ	ПОХВАЛА БЕЗУМИЮ	20
ЛЕНТА ПАМЯТИ	НИКОЗИ	22
ПРЕЗЕНТАЦИЯ	«В ТБИЛИСИ НИЧТО НЕ СТРАННО...»	24
НАГРАДА	СОДРУЖЕСТВО ДЕБЮТОВ	28
НОСТАЛЬГИЯ	ПРИЕХАЛ НА ПРАЗДНИК РАБОТАТЬ	30
ЮБИЛЕЙ	«ЛЮБЛЮ ПОСМЕЯТЬСЯ НАД СОБОЙ!»	31
О, СПОРТ!	ТАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ	36
ПРИЗНАНИЕ	ВРЕМЯ ПРИШЛО!	40
ЗНАЙ НАШИХ!	И ХРАМ, И ВЕРА	41
ПОЗДРАВЛЕНИЯ	ЖИЗНЬ БОЛЬШАЯ, ИНТЕРЕСНАЯ	44
ШЕДЕВР	ТРИ ПОРТРЕТА АННЫ ПАВЛОВОЙ	45
ДАРЬЮШКИНЫ ПОСИДЕЛКИ	КАПРИЗНАЯ НЕВЕСТА	48
СООТЕЧЕСТВЕННИКИ	ГЛАВНОЕ – УЧАСТИЕ	50
ПРОЩАНИЕ	ПОДЛИННО НАРОДНАЯ АРТИСТКА	52

На обложке - участники акции «Живая цепь» на проспекте
Руставели в Тбилиси 1 сентября 2008г. Фото **А.Сватиков**

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

Николай Свентицкий на аудиенции у Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии II

Международный русско-грузинский поэтический фестиваль-2008 шире и масштабнее по сравнению с первым 2007-го года и по географии и по звездному составу участников. В нем приняли участие русские поэты из разных стран мира (Азербайджан, Белоруссия, Венгрия, Греция, Дания, Израиль, Испания, Италия, Канада, Латвия, Литва, Никарагуа, Россия, США, Узбекистан, Украина, Швеция, Эстония и другие), а также грузинские поэты. Фестиваль приурочен к 115-летней годовщине со дня рождения русского поэта Владимира Маяковского и к 80-летию со дня рождения грузинского писателя Нодара Думбадзе. Наш фестиваль проходил в Тбилиси, Кутаиси, Батуми, Сигнахи. Как и прошлогодний, фестиваль-2008 получил большой резонанс в прессе, о нем писали далеко за пределами Грузии.

В Тбилиси участники фестиваля посетили Пантеон писателей и общественных деятелей Грузии на горе Мтацминда, возложили венки к памятнику Владимира Маяковского в Дигоми. В детском городке «Мзигури» состоялся торжественный вечер, посвященный юбилею Нодара Думбадзе. На родине Маяковского, в доме-музее поэта в Багдади, прошел поэтический праздник. В Батуми по установившейся традиции гости возложили цветы к памятнику Александру Сергеевичу Пушкину на Приморском бульваре. Поэты встре-

чались с общественностью в городах Грузии, их тепло принимали повсюду. В Тбилиси посетили Пушкинский мемориал дома Смирновых – уникальный памятник русской и грузинской культуры, продолжающий традиции литературного салона А.О. Смирновой-Россет; побывали на книжной выставке Библиотеки-фонда «Русское зарубежье». Это щедрый его дар «Русскому клубу» (свыше тысячи уникальных книг!). Участников фестиваля принял Католикос-Патриарх всея Грузии Илия Второй. Благословение фестивалю прислал и Патриарх Московский и всея Руси Алексей Второй.

Русских поэтов отличала неубывающая с годами теплота и любовь к Грузии, к грузинским собратьям по перу. Такое ощущение, что поэтический диалог не прерывается.

Ни один участник фестиваля не остался равнодушным к трагическим событиям, произошедшим у нас в августе. Нам звонили, писали письма, постоянно были в контакте со своими друзьями и коллегами. Многие поэты откликнулись на общую беду стихами и статьями. Не остались безразличными. Писали и продолжают писать о Грузии, что для нас очень дорого и важно. Никто и ничто не в силах изменить дружеские отношения, завещанные нам великими предшественниками их великой литературы. Сохранению и развитию этих дружеских отношений и служит наш фестиваль.

Николай СВЕТИЦКИЙ

«СТИХИ – НЕ ТЕКСТЫ, НЕ ФРАЗЫ, А ЖИЗНЬ ВОПРОЕКИ ВСЕМУ»

Международный русско-грузинский поэтический фестиваль-2008 начался по-деловому, пресс-конференцией в Тбилисском международном пресс-центре РИА Новости. Едва прибывшие гости фестиваля отвечали на вопросы журналистов и делились творческими планами. Вела пресс-конференцию член оргкомитета фестиваля Инна Кулишова.

В одном поэты оказались единомышленны. Фестиваль – это праздник, который призван «разрулить» нелегкую обстановку между двумя странами. К тому же, это отличная возможность встречи с друзьями, читателями и вдохновением.

Инна Кулишова: Наш фестиваль благословил Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II, прислал свое благословение Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Приветствие в адрес фестиваля направили министр иностранных дел России Сергей Лавров и министр культуры, охраны памятников и спорта Нико Вачеишвили. К фестивалю мы выпустили несколько буклетов – фестивальныи, посвященные Владимиру Маяковскому и Нодару Думбадзе, автор-составитель последнего – его дочь Кети Думбадзе. Мы выпустили замечательный диск на стихи Заура Квицинадзе «Сказочный мир прекрасен», диск песен Эки Квалиашвили «Я – женщина». Единственное, что я хочу добавить перед тем, как передам слово нашим уважаемым гостям, что когда речь идет о русско-грузинских литературных связях, то конечно, на первом месте стоит понятие дружбы, в первую очередь именно человеческой теплоты. Я говорила в прошлом году, хочу повторить и в этом, что русских поэтов в Грузию приводит инерция любви.

Олег Воловик: Огромное счастье, что мы вновь прибыли на прекрасную гостеприимную грузинскую землю. Год пролетел так стремительно быстро! Он был переполнен счастьем общения, мы сдружились, мы общались, и это было настоящее счастье. Мы встречались в Москве, мы встречались в наших письмах, делились идеями, мы здорово расширили наш человеческий потенциал. Это подвиг в эти времена, нынешние, беспокойные, сумасшедшие совершенно времена, собирать людей, говорить о культуре, читать стихи, делиться теплом наших сердец и душ. Это здорово! И, несмотря ни на что, хотелось бы, чтобы это продолжалось. Мы приехали сюда с любовью к вашей стране, с любовью к земле, которая громадный источник вдохновения для многих писательских и поэтических поколений блестящих литераторов. Я бы

Олег Воловик

хотел, чтобы Бахыт Кенжеев продолжил мои восторженные слова, и в короткое заключение своего спича скажу вам – мы вас любим, дорогие наши грузинские братья и сестры. Мы приехали сюда с добром, и вместе мы можем победить любые неурядицы, которые могут или возникают на том или ином пути. Культура – великая сила.

Бахыт Кенжеев: Я боюсь, что мои слова будут держаться той же интонации, того же ключа, именно восторга, поскольку трудно испытывать какие-то другие чувства, особенно в первый день. Я 30 лет не был в Грузии, или может даже больше, и конечно, это другая страна, но чувство того блаженства, которое охватывает, я думаю, любого русского писателя, пересекающего границу Грузии, оно универсально для всех. Слишком многим обязана русская культура грузинской культуре и наоборот, связи между этими странами всю жизнь, испокон веков, были особо тесными, особо интересными. Я очень благодарен судьбе, что она привела меня сюда. Во-первых, можно заниматься литературной работой, вместе с моими друзьями, т.е. поговорить о смысле жизни, а во-вторых, фести-

валь проходит именно на этой земле, в прекрасном городе Тбилиси. Я очень благодарен организаторам фестиваля, и надеюсь, что это наше мероприятие внесет какую-то свою лепту в сближение тех двух народов, которые сейчас находятся не в лучших взаимоотношениях, как известно. Я думаю, что и наша задача, принять участие в преодолении этих недоразумений с политической точки зрения. Спасибо.

Инна Кулишова: В ходе фестиваля будет развернута книжная выставка в рамках фонда «Русское зарубежье». Приезжает легенда русской эмиграции Никита Струве со своей супругой Марией Ельчаниновой, дочерью священника, философа, Александра Ельчанинова, учившегося в 2-ой Тифлисской гимназии вместе с отцом Павлом Флоренским и дружившего с ним. Он привозит свыше тысячи количество книг в дар «Русскому клубу». В тот же день будет праздноваться 50-летие легендарного журнала «Литературная Грузия», главный редактор которого, Заза Абзианидзе, присутствует здесь.

Заза Абзианидзе: Главный сюрприз мы решили приберечь на 24 июля, чтобы не выйти в роли радушной хозяйки, которая все блюда выставляет в первый же день. Это действительно интересный сборник – 500 страниц, на которых представлены все поколения грузинской литературы, и что следует подчеркнуть, особенно ярко представлены русско-грузинские литературные связи, начиная с исторических времен и заканчивая интереснейшими примерами пастернаковской беллетристики. Много есть из того, что не печаталось в силу известных нам причин. Тираж «Литературной Грузии» был 12 тысяч экземпляров, это тираж нынешней «Иностранки». Его выписывали всюду, где только можно было вообразить. Свои минусы имеет любая эпоха. Тогда моим предшественникам-редакторам нужно было заботиться только о том, чтобы были хорошие материалы, и о том, что бы это хорошие материалы как-то протаскивать мимо бдительного ока цензуры. Сегодня другие проблемы, прежде всего проблемы финансирования, поэтому журнал выходит редко, иногда даже раз в год. Последний номер вышел в прошлом году, и несмотря на то, что мы выходим редко, можно гордиться этими номерами. Он был посвящен грузинской эмиграции, и представляет исключительный интерес. Это неопубликованные, очень интересные рассказы и воспоминания наших эмигрантов, он охватывает практически всю литературу грузинской эмиграции XX века. Предыдущие номера – тематические, к приме-

ру, был номер, посвященный Петербургу.

Максим Амелин: Вы издали тут большой сборник, а мы в Москве – маленький. 23 июля в «Литературной газете» выйдет подборка трех молодых современных грузинских поэтов – Шалвы Бакурадзе, Ники Джорджанели и Шоты Иаташвили, в том числе в моих переводах. Эти переводы делаются не просто так, неслучайно, а для того, что бы рано или поздно издать в Москве двуязычную антологию современных грузинских поэтов, где будет представлено творчество поэтов, возникших, появившихся, заявивших о себе после того, как распался Советский Союз, и которых в России практически не знают. Над этим мы работаем, и такая антология, я думаю, когда-нибудь выйдет. Мы всячески продвигаем поэзию Грузии в России. Это одна из наших миссий, я

Участники поэтического фестиваля

ее воспринимаю как свою миссию. Я грузинский тоже учу немножко.

Мария Игнатъева: Я бы хотела поделиться одним наблюдением, которое мне пришло в голову по дороге сюда. Республики распались, и сейчас происходит процесс некоего возвращения на почву русской культуры. Любопытно, и вдобавок к тому, что сказал Максим, он переводит с грузинского на русский язык. Я сама с удовольствием познакомилась с переводами грузинских поэтов Шоты Иаташвили, Нико Джорджанели, Звиада Ратиани, Зуры Ртвелиашвили. Возникла такая идея. Почему бы нам не переводить грузинские стихи на испанский, на английский? Если не прямо с грузинского, то благодаря таким прекрасным посредникам, как поэты Инна Кулишова, Максим Амелин.

Джансуг Чарквиани: Я хотел бы сказать, что горжусь тем, что у меня такие друзья в Москве, как Белла Ахмадулина, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский.

Обмен впечатлениями

Римма Казакова ушла из жизни, я не знал об этом. Я часто говорю, и сейчас могу громко и ясно сказать, когда у меня дома гости, такие как вы, для меня солнце восходит, ей богу. И пожалуйста, часто приезжайте, чтобы мы знали, что мы всегда вместе. Для кого я говорю, вы прекрасно понимаете, чтобы они знали, что мы всегда вместе.

Борис Херсонский: Еще в 80-е годы начали говорить, что деятели культуры стали всемирной диаспорой, они как бы рассеяны по всему миру, и связи между ними больше, чем связи этих людей со своими народами. Народы упорно слушают попсу, упорно не читают стихов, а читают детективы, и это будет продолжаться. Мне кажется, у нас нет другого выхода, как общаться не только рассеянной диаспорой, а быть достаточно сплоченными, заинтересованными друг в друге. Второй фестиваль в Грузии, я думаю, будет таким же прекрасным, как первый. Он уже принес нам несколько знакомств с порога, а впереди еще десять дней. Мы очень благодарны всем, кто все это организовал. В Одессе есть такая поговорка: «Когда совсем не знаешь что делать - устрой праздник». А фестиваль и есть праздник.

Наталья Литвинова: Я счастлива, что фестиваль проходит на грузинской земле, на которой я нахожусь впервые, хотя клянусь вам, я мечтала об этом, наверно, всю свою сознательную жизнь. Возможно, это началось, когда я впервые прочитала стихи замечательного грузинского поэта Николоза Бараташвили, которые я до сих пор помню, и знаю, и очень люблю. То, что поэтический фестиваль грузинских и русских поэтов проходит именно здесь, мне кажется лучшим свидетельством того, что культурные связи, которые насчитывают, я думаю, не одну сотню лет, не только сохраняются, но и укрепляются, и у них есть будущее, потому что какая бы политика не определяла отношения наших стран, нет народа без культуры. Возрождение и поддержание культурных связей – самое достойное и самое важное, и наверно, это именно то, ради чего мы здесь собрались, и я очень-очень благодарна организаторам.

Елена Исаева: Римма Казакова, недавно ушедшая из жизни, очень собиралась на этот фестиваль. Она очень любила Грузию. Наши культуры, русская и

грузинская, друг друга всю жизнь обогащали. И, соответственно, на уровне нашей культуры наша задача – нести это дальше. Наше счастье, что мы можем друг друга слышать, а иногда и понимать. Мы можем встречаться. Поэзия, в отличие от политики, всегда объединяет, а не разъединяет.

Юрий Кобрин: В последнее время, говоря о стихах, принято произносить слово «тексты». Там текст, в том тексте. Я не люблю этого слова. «Стихи – не тексты, не фразы, а жизнь вопреки всему/ В них к сердцу спускается разум,/ а сердце восходит к уму». Хотелось бы, чтобы почаще сердце восходило к уму. Не через текст, а через ум.

Шота Иаташвили: Я хочу поздравить всех, потому что десять дней будет существовать новое государство под названием Поэзия. Это не отдельно Россия и не отдельно Грузия, это одно государство, где будут мои друзья – Боря, Максим, Игорь. Я очень рад, что в этом государстве еще многие познакомятся между собой, новые отношения начнутся. Великолепно, что мы сидим, а Поэзия разговаривает. Все продолжается, русская поэзия в Грузии будет по-другому звучать, кто-то может ее не слушает, или слушает только старую поэзию. Но читателям интересно, что сейчас происходит в России. Грузинские переводы по-другому слышатся в России. В прошлом году я и Зураб Ртвелишвили были на фестивале в Москве. Так много было друзей и знакомых, все так интересовались грузинской поэзией. Да здравствует государство Поэзия.

Олег Воловик: Пришла мне мысль. Гимн МФРП, стихи, написанные Риммой Казаковой, она очень хотела приехать на этот фестиваль, и текст этих стихов стал последним ее поэтическим произведением. Глубоко символично и то, что музыку на эти стихи написал грузинский композитор Тенгиз Джаиани, некое такое единение, и ведь это непросто. Понимаете, стихи превратить в музыку, в гимн – это огромный труд. Музыка надо написать, музыку надо исполнить, и исполнить так, как это сделали Эка Квалишвили и ансамбль «Рустави», в этом есть какой-то глубокий смысл. Достаточно случайно, хотя, наверно, ничего случайного нет, как родился этот гимн. Если говорить еще об одном рождении, и может, в этом тоже есть знак, у меня внучка родилась как раз на момент открытия нашего фестиваля. Маленький человечек родился вместе с рождением дружеского нового витка нашего контакта. Мне кажется, это прекрасный знак. Как говорит Шота, давайте за то, чтобы таких знаков было больше в нашей жизни.

Заза Абзанидзе: Я хочу подчеркнуть, в обывательском понимании, худшего времени нельзя подыскать для такой встречи. Но если нам дано встречаться именно в такие часы, то это потому, что мы похожи по духу. И это имеет десятикратное значение именно в силу той враждебности и взаимного непонимания, которое есть. Не будем закрывать на это глаза.

Максим Амелин: Поэтому главная наша цель – политическую ситуацию превратить в поэтическую.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

3 ЗА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ДНЕЙ ДО ВОЙНЫ

Валентина Поликанина

СЛОВО - УЧАСТНИКАМ ФЕСТИВАЛЯ

Елена Исаева

Мария Игнатъева

Борис Херсонский

Наталья Литвинова

Наталья Гастева и Андрей Гришман

Елена Иванова-Верховская

ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА (Белоруссия)

Родилась в 1958 г. поэт, член правления Союза писателей Беларуси, член Союза российских писателей, Международной ассоциации писателей и публицистов. Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета, отделение «Русский язык и литература». Работала редактором, обозревателем журнала «Беларусь», редактор отдела культуры журнала «Гаспадыня». Автор нескольких книг поэзии. Автор текстов песен, исполняемых белорусскими и российскими артистами. Лауреат первой премии Союза белорусских журналистов «За лучший женский образ в современной журналистике» (2003); лауреат специальной премии Президента Республики Беларусь (2006) в номинации «Художественная литература». Указом Президента Российской Федерации награждена медалью А. С. Пушкина (2007).

«ЗА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ДНЕЙ ДО ВОЙНЫ...»

Из цикла стихов «Грузинский дневник»

Куры бессонной каменные скулы.
Мосты, не обреченные дремать.
Духанно-разухабистый проулок.
Балконно-удивленные дома.

След мудрости - прощающие лица.
Дань древности - просевшая стена.
Наскально-отрешенная столица.
Пасхально-воскрешенная страна.

А камни здесь не грузны и не грубы,
Их каждый счел и выгладить сумел.
Завязана магическая дружба,
И улочки распутаны в уме.

В обычае - вино с рукопожатьем.
В лотке - невинно-чистый виноград.
«Вы гости? Вы еще к нам приезжайте!
Тбилиси будет очень-очень рад!..»

ЗАКЛИНАНИЕ

Через все леса, через все моря,
Через все житейские бури,
Через смерти все принесла заря:
«Кутатури вар, кутатури...»*

Чтобы не проесть, чтобы не проспаться,
Чтобы не свихнуться от дури,
Чтобы дар по строчке не растерять:
«Кутатури вар, кутатури...»

Чтобы не сгореть, чтобы не пропасть,
Чтоб горой родиться в скульптуре,
Чтоб на беды все грозной тенью пасть:
«Кутатури вар, кутатури!..»

У КАТОЛИКОСА-ПАТРИАРХА ВСЕЯ ГРУЗИИ ИЛИИ II

А ноты, как пчелы, собрали
Всех чувств кропотливый нектар.
И души, как скрипки, играли,
Когда говорил Патриарх.

Сияла светлейшая проседа,
Светился блаженнейший лик –
И множилось многоголосье
Хоралов, псалмов и молитв.

И были мы не иноверцы,
И нас не охватывал страх,
Когда он растапливал сердце,
Чтоб мы не блуждали впотьмах.

Хоть всею душой в Беларуси я,
Мне солнечный путь свой открой.
Держи меня за руку, Грузия,
Хочу быть твоею сестрой!
Не будет любовь безответною.
Душа побежит по волнам.
Держи меня за руку, светлая,
Чтоб снова увидеться нам.

ЗА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ДНЕЙ ДО ВОЙНЫ

Иноверцы, владельцы казны,
Дали выкуп воинственным людям,
И к безбожному маршу орудий
Подготовился стан сатаны.

За четырнадцать дней до войны
Были мирными тропы-дороги,
И купались лучи-недотроги
В белой пене прибрежной волны.

Были мысли желаний полны,
И хотелось смеяться и верить.
И сквозняк не расшатывал двери
За четырнадцать дней до войны.

По пустым подворотням страны
Смерть не шастала дикой собакой.
Мать не слепла, ребенок не плакал
За четырнадцать дней до войны.

* «Кутаисец я, кутаисец» (груз.) Реплика В.В. Маяковского на вопрос из зала в Чикаго (1925г.)

За четырнадцать дней до войны
Над убитым не выли старухи,
Не сходили с ума от разрухи,
От беды и вселенской вины.

Не «пророчили» волю лгуны.
Грех не рушил кресты на погосте,
Не топтал православные кости.
За четырнадцать дней до войны...

Души не были адски черны.
Не шаманили дьявольски пули,
Кровь не пили, беснуясь в разгуле,
Не врывались погибельно в сны.

За четырнадцать дней до войны
На людей, зло шагающих «в ногу»,
Бог смотрел укоризненно строго,
И земле были жизни даны.

За четырнадцать дней до войны...

12 августа 2008 года

АНДРЕЙ ГРИЦМАН (США)

Родился в 1947 г. Поэт, эссеист. Окончил 1-й Московский медицинский институт им. И.М. Сеченова. Кандидат медицинских наук. С 1981 г. живет в США. Пишет по-русски и по-английски, публикуется в России с середины 90-х в журналах «Октябрь», «Новый мир», «Арион», «Вестник Европы», «Новая Юность», «Сибирские огни», на сайте «Вавилон», «Новый журнал», сборник «Встречи», «Иерусалимский журнал», «Стетоскоп» (Париж) и др. Стихи и эссеистика публикуются в американской и британской периодике. Стихи были включены в антологию «Modern Poetry in Translation» (UK). Окончил литературный факультет Университета Вермонта со степенью магистра искусств по литературе. Автор нескольких книг стихов и эссе на русском и английском. Организатор и ведущий международного клуба поэзии в Нью-Йорке и редактор сетевого журнала поэзии «Интерпоэзия».

ГОРИ, ИЮЛЬ 2008 ГОДА

Жарко и пусто в садах супостата.
Бесполезная жизнь элементов:
вот горящее сердце солдата,
там – циррозный любитель абсента.

В беспределе зомбических статуй
умирают три времени года.
И никто не сидит за растрату,
и молчит изваянье урода.

Так живет Валаам пораженных
среди винных холмов вдохновенных.

Для истории – два-три ожога
до глубоких костей сокровенных.

* * *

Она говорит – куда ты, куда?
Я говорю – далеко, на запах
дыма и камня, туда, где вода
нас от безумья спасает обоих.

Сколько на жизни келоидных мет,
эта – фантомом физической боли.
Ты понимаешь: ответа тут нет,
нету на вход в этот сад пароля.

Мыслящий вслух. опадающий сад,
полуживые, шевелятся угли.
Мертвая пыль по музеям усадеб,
сад до осенней поры не порублен.

Мы, отщепенцы, видны по глазам.
Щепки еще со времен Халхин-гола.
Пишут: сжигают в Боржоми леса,
с ними сгорают мои глаголы.

ЕЛЕНА ИСАЕВА (РОССИЯ)

Родилась в 1966 г. Поэт, драматург. Лауреат молодежной премии «Триумф», премии «Действующие лица» (2003), Международного фестиваля Европейского радиовещательного союза «Приз Европы» в Берлине (2004). Участник поэтических фестивалей и фестивалей современной драматургии «Любимовка», «Новая драма», «Документальная драма». Спектакль «Дос.тор» по ее пьесе получил Гран-при «Новой драмы» (2006). Стихи и пьесы переведены на многие языки.

Эта речка горная
Убегает бойко.
Я совсем не гордая –
Медленная только.

Я ушла, я выбыла.
Не скажу ни слова.
Нет, нету выбора
Никакого.

Словно обесточенной
Я была, вчерашней...
Но мертвой быть не хочется,
А живой быть страшно.

Что ж стоишь ты скованно
Возле водопада?
Все уже срифмовано –
Где-то там, где надо.

Ничего мы, в сущности,
Не меняем сами.

Из иллюзий выгрести,
Не мечтать часами,

Убегая в творчество...
Мне понятна роль, но
Мертвой быть не хочется,
А живой быть больно.

Речка душу вымыла,
Мчится – ждаться не станет.
Кто предложит выбор вам –
Тот обманет.

МЦХЕТА

Как все гармонично в мире:
Дорога, река, вершины.
И мальчик с профилем Мцыри
Красиво ведет машину.
Кура и Арагва мчатся –
Все так, как в стихах поэта.
Чего же еще для счастья?
Не думай сейчас про это.

БОРИС ХЕРСОНСКИЙ (УКРАИНА)

Родился в 1950 г. Поэт. Окончил Одесский медицинский институт. Участвовал в диссидентском движении. Сотрудничал в ряде эмигрантских изданий. Заведует кафедрой клинической психологии Одесского национального университета. Печатается с 80-х гг. Автор книг стихов, переводов, литературной эссеистики, а также переложения библейских текстов, собранных в «Книге хвалений» (1994) и сборнике «Поэзия на рубеже двух заветов. Псалмы и оды Соломона» (1996). Лауреат IV Международного конкурса имени М. Волошина (2006), дипломант конкурсов «Сетевой Дюк», «Солнечный город». Член редколлегии журнала «Крещатик» с 1998 г. Шорт-лист премии Андрея Белого. Лауреат стипендии имени Иосифа Бродского.

Святая лежит в земле,
прижав Господень хитон.
Храм стоит на скале.
Скала испускает стон.

Над храмом древесный ствол
стоит, лишенный корней.
Дикий цветок расцвел
военной ночи черней.

Черный цветок кровит.
В черных его лучах
Нина, Тамара, Давид
держат мир на плечах.

Арагви - название реки.
Мерани - крылатый конь.
Нет надежной руки -
остановить огонь.

Август 2008

вот сказали умер и мощной рукой вознесен
на высоты теперь поди докажи ему что ты не масон
не агент мосада ответ затихающий стон

летит бородатый старик с разинутым ртом
руки раскинул ноги на ширину неважно что будет потом
лучше так чем в глубине кротом на земле скотом

вот господь говорит я вселенную в кулаке держу
ты от страха дрожишь а я от гнева дрожу
за три вины погублю и за четыре не пощажу

вот господь сожмет тебя в ком и бросит тебя далеко
в чужую землю где в черном хором поют сулико
где русский танк грузинскому танку брат где не дышать легко

где ущелье поток мелеет гремя испаряясь меж валунов
где на самом краю держит спасает ангел детей шалунов
где разрушенный храм напоминает что мир не нов

раскинув руки раскрыв объятия летит бородатый старик
с кем-то спорит так тараторит сбиваясь на крик
цитирует молитвослов писание сказание патерик

поет акафист канон псалом видит напрягшегося вола
влекущего плуг оратая сеятеля и дела
совершенные ими слышит многоголосие колокола

канонаду возгласы бранные растопыренные пальцы рук
поднятых к небу взмах порождает звук
горестней чем безмолвие осуждения продолжительней вечных мук

все равно хребет мертвеца или кавказский хребет
все равно облака сахарная вата вязкий шербет
масоны сгорбясь над книжкой твердят свою алеф бет

все равно святая земля или где православный брат
бьет православного брата из установки град
грудь бойца широка поместится много наград

господь говорит раз уж умер лети воспаряя ввысь
раскинув ладони лети на колени не становись
не на что опереться не хочешь молиться так на молись

вот говорит восхищу тебя сожму тебя в ком
а снизу глядят на тебя грозят тебе кулаком
и праведность белизна растекается молоком

Август 2008

РИММА МАРКОВА (ШВЕЦИЯ)

Родилась в 1951 г. Поэт. Окончила художественно-графический факультет Педагогического института им. А. Герцена. Последние 12 лет живет в Швеции. Автор поэтических сборников. В 2001 г. вышла книга на шведском языке «F҃nstret». Постоянно печатается в журнале «Literarus» (Финляндия). Член Союза писателей Санкт-Петербурга и ПЕН-клуба Швеции.

Выйди, выйди на балкончик!
Отчего бросает в дрожь?
Так балкончик неустойчив
И костей не соберешь.

Выйди, выйди на балкончик,
посмотри на горный склон.
Это город так уклончив,
так и тянет под уклон.

Выйди, выйди на балкончик –
автомат наперевес.
День закончен, мир закончен.
Солнце падает с небес.

14 августа 2008

ЕЛЕНА ИВАНОВА-ВЕРХОВСКАЯ (РОССИЯ)

Родилась в 1949 г. Поэт. Окончила Московский архитектурный институт. Стихи печатались в «Антологии русской поэзии XX века», в сборнике «Московская Муза», журналах «Юность», «Истоки», «Дружба народов», «Кольцо А». Член МФРП. Член Союза писателей России.

Этим летом в июле я была в Грузии. Поездка, состоявшаяся в рамках Международного фестиваля поэзии, была очень динамичной, очень плотной по графику, но жаль было только одного - не хватало времени, хотелось быть повсюду, увидеть еще больше, выступить, разговаривать - дружить! И везде полные залы - Тбилиси, Кутаиси, Батуми, Сигнахи и опять Тбилиси. Из каждой прогулки, просто по городу, мы возвращались с новыми знакомыми, контакты возникали мгновенно, стоило только что-нибудь спросить, попросить, просто остановиться. В Москве живет много грузин, но, видимо, наша климатическая полоса не предполагает такого теплого открытого общения, которое происходило там, на грузинской земле. В Тбилиси какой-то уличный торговец книгами подарил мне, привез в гостиницу, невероятное количество книжек времен моего детства. Когда теперь в Москве я остаюсь одна, я открываю их одну за другой и превращаюсь опять в пятилетнего ребенка. Мы вернулись в Москву 27 июля. И спустя всего несколько дней произошло то, что произошло, то, от чего лихорадит теперь весь мир. И неужели мы, русские, грузины, осетины, абхаз-

цы - причина всему этому? Я не могу в это поверить после того, что увидела и услышала, что осталось в моей памяти. В Тбилиси на Сухом мосту у какого-то старика я купила настоящий старый штык времен Первой империалистической. Несколько дней назад я воткнула его в землю. Вы слышите Шота, Инна, Зураб, Николай, Манана, Мераби? Мой штык в земле, а мои стихи - вам.

ГРУЗИНСКОЕ ЛЕТО - 2008

В моем славянстве нет помехи,
И за неделю до приказа
Смотрю в упор на храм Метехи
Под вечным кратером Кавказа.
Здесь войны будто прописались,
Как коммунальные соседи,
И горизонт, слегка оскалась
От жара, так же сух и бледен.
А вот кресты как в Подмосковье,
И лик заступницы все светел,
Не разделяя нас любовью
По небесам - на тех и этих.
Лишь за неделю до отстрела,
В один неверный час восхода,
Дорога к храму опустела,
Собрав всех ласточек у входа.
Как ни суди - не спросят даже,
Вошел конвой - конец свиданья.
По «холмам Грузии» бродяжит
На чьих-то танках «дух изгнания».

МАРИЯ ИГНАТЬЕВА (ИСПАНИЯ)

Родилась в 1963 г. Поэт, эссеист. Окончила факультет журналистики и аспирантуру филологического факультета МГУ. Защитила диссертацию по европейской трагедии XVII века. С 1989 г. живет в Барселоне, заведует кафедрой русского языка в Государственной школе языков для взрослых. Автор двух поэтических сборников. Стихи публиковались в журналах «Знамя», «Новая газета», «Стороны света», антологии «Освобожденный Улисс» и др. Стихи переведены на разные языки мира. Автор учебников и пособий для изучающих русский язык, публикаций по вопросам русского языка и литературы. Участница международных фестивалей.

ПРАЗДНИК ПРО ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ

Повторю ту довольно очевидную мысль, которую я высказала во время пресс-конференции в первый день фестиваля. И потому, что мне это кажется самым ценным из всего, что я в состоянии сказать, и потому, что недавно прочла в интернете довольно невнятное изложение того своего высказывания.

Распад Советского Союза привел к тому, что не

только республики отпали от России, но и сами русские во множестве из нее разъехались. Теперь, спустя два десятилетия, мероприятие, подобное этому фестивалю, есть своего рода попытка встречи двух республик, и новой встречи разъехавшихся писателей. Перевод грузинского поэта на русский так же важен, как и перевод физического тела писателя из Европы или Америки в Грузию, а для многих и сначала – транзитом – в Россию. Важен, потому что физика и география становятся тем же фактом культуры, что и литература.

Сам же фестиваль был прекрасен, я упивалась каждым его днем – божественной природой и архитектурой Тбилиси, Аджарии и Кахетии, невозможными трапезами, чудесным пением и танцами, блистательной компанией остроумных и просто умных спутников. Мне было весело, вкусно, интересно, пьяно, умильно, хорошо.

Можно ли что-то улучшить? Наверное. Можно было бы устроить побольше чтений и получше организовать круглый стол о проблемах русского языка (например, заранее попросить тезисы выступлений и даже опубликовать их), совсем замечательно было бы провести семинары по разным темам. Т.е. расширить пространство работы, возможно, за счет пространства праздника и путешествий. Пусть эти пожелания прозвучат не упреком, а дружеским разглагольствованием, на которое можно и не обратить внимания. Представьте себе: вас пригласили в неслыханной красоты дом, посадили за стол с чудесными собеседниками, накормили и напоили, как вам и не снилось. Что, станете вы после этого говорить, что хорошо бы блюд было поменьше, а вместо этого дали бы вам возможность прочитать свой стишок и послушать стишок поэта напротив? Если так уж охота, соберитесь отдельно и почитайте друг другу. Что, кстати, мы и сделали.

Особенно я хочу поблагодарить Инну Кулишову и Александра Сватикова. С обоими я познакомилась на фестивале, и обоим я обязана тем, что чувствовала себя на нем желанной гостьей. Знаю, что не у одной меня было такое чувство.

Все это я пишу, пока в Цхинвали и Гори оплакивают своих убитых, моя голова разрывается от злости на всех президентов всех стран, а сердце от сострадания к тем, кому не повезло. Маленькое частное везение (приглашение на фестиваль поэзии) оказывается праздником «про черный день». Такой как позавчера, 8 августа, вчера и сегодня, 10 августа. Почему-то я верю, что все-таки не завтра. Не израсходованный запас счастья?

НАТАЛИЯ ЛИТВИНОВА (ДАНИЯ)

Родилась в 1961 г. Поэт. Окончила филологический факультет МГУ. С 1989 г. живет в Дании. Преподает родной язык и литературу, читает цикл лекций по истории русской культуры при Российском центре науки и культуры. Член редколлегии журнала «Новый Берег». Стихи и статьи публиковались в журналах «Нева»,

«Дружба народов» (Россия), «Русский клуб» (Грузия), «Люблю!» (Латвия), газетах «Русская мысль» (Франция), «Словесность» (Израиль) и др.

КОНФЛИКТ, КОТОРОГО НЕ ДОЛЖНО БЫЛО БЫТЬ

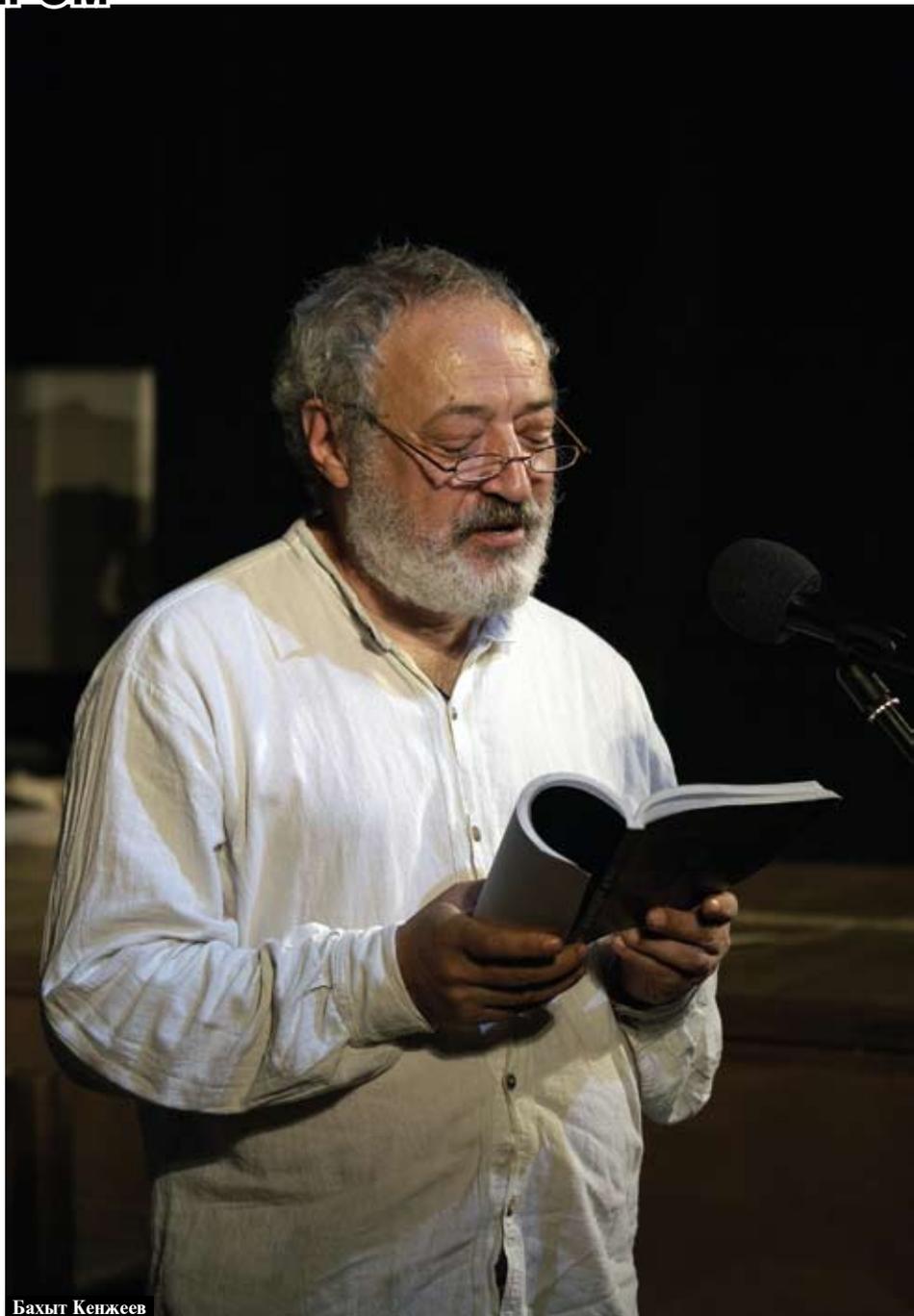
...Я вспоминаю, как на фестивале работали русские художественные переводчики с грузинскими поэтами, стихи которых они перелагали на свой родной язык: склонившись друг к другу, не обращая внимания на посторонние разговоры и суету вокруг, движимые лишь одной целью – донести до тех, кто не владеет этим языком, чудо изреченного слова.

И я подумала, что, если бы среди людей, кто вершит судьбы стран и народов, нашлись бы те, которые с таким же трепетом и бережностью относились к словам своих партнеров или геополитических соседей, закрывая уши для недостойных высказываний агрессивных невежд, во всем мире, наверное, не осталось бы больше невинных жертв и безутешных матерей, жен, дочерей.

16 августа 2008 г., Копенгаген

«ПОЭЗИЯ – НЕ РАЗВЛЕЧЕНИЕ, А ПРИГЛАШЕНИЕ РАЗДЕЛИТЬ С АВТОРОМ ЕГО СКОРБЬ»

Бахыт Кенжеев

Бахыт Кенжеев родился в 1950 г. Поэт, прозаик. Окончил химический факультет МГУ. Один из учредителей поэтической группы «Московское время» (вместе с Цветковым, Сопровским, Гандлевским). С 1982 г. живет в Канаде, сотрудник разнообразных (нелитературных) организаций и учреждений. Автор пяти романов, одиннадцати поэтических книг. Участник многих поэтических фестивалей. Публиковался в переводах на многие языки мира. Член Русского ПЕН-клуба. Входит в жюри различных литературных премий. Лауреат многочисленных литературных премий, в т.ч. премии журнала «Октябрь» (1992), Союза молодежи Казахстана (1996), «Антибукер» (2000), «Москва–транзит» (2003), «Антология» (2006).

- Сегодня «грузинская и русская литературы живут сами по себе и “играют по разным правилам”». Все прежние русско-грузинские литературные связи, как не раз говорилось, это «старый запас». Что происходит сейчас, надо все создавать заново или есть еще база, на которой можно построить новые взаимоотношения грузинских и русских литераторов? Стали ли Грузия для России и Россия для Грузии новым миром?

- Всякая литература должна жить сама по себе, даже если страны говорят на одном языке (лучший пример – богатство англо- или испаноязычных литератур). Сейчас мы наблюдаем любопытное явление – образование различных ветвей русского языка в бывших республиках. Пока речь только об отдельных

реалиях («аким» в Казахстане, «виллайт» в Туркмении – полноправные слова русскоязычной прессы). Со временем, как мне представляется, этот процесс будет углубляться – перед каждой страной стоят свои собственные проблемы, неизбежно отражающиеся и на литературе. Грузинская литература, разумеется, использует свой древний язык. При этом она всегда вписывалась в контекст и русской, и европейской словесности. Мне кажется, что вековая дружба между русским и грузинским народами, родство их культур – вещь непреходящая, как бы драматически ни складывались отношения между двумя странами. Ну а с другой стороны, конечно же, обидно, что чисто физические контакты между странами почти сошли на нет, а нынешняя ситуация послужила основой для нагнетания ненависти. При этом во время фестиваля мне посчастливилось познакомиться с замечательными грузинскими поэтами, с которыми у нас никаких разногласий не наблюдалось. Как будто росли вместе.

- Сколь и на каком уровне сегодня могут существовать русско-грузинские литературные отношения? Есть ли у нас совместное будущее, и насколько оно будет отличаться от прошлого?

- После войны? Разве что на уровне дружбы и бескорыстной помощи друг другу. Выпить-закусить (пускай даже виртуально), поплакаться друг другу в жилетку. Перевести друг друга на грузинский и соответственно русский. В будущем, на весах у Господа Бога – зачтется.

- Вы говорили, что в вас «течет казахская, арабс-

кая, еврейская, русская кровь. Так что я человек как бы вне нации». Это безусловное преимущество для отстранения и взгляд на многое со стороны. И какой его тип, стиль, способ вы выбираете? И где кончается ирония? Ой ли, только в смещении кровей, али на самом деле в человеческих качествах дело?

- В человеческих качествах, вероятно, тоже. Сто лет назад, когда в СССР мне стало неуютно, и я стал размышлять об отъезде, то в США мне совершенно не хотелось. Я уже пожил к тому времени гражданином великой державы. Обрыдло. В другую великую и могучую не тянуло. Хотя, конечно, про «вне нации» я лукавлю. Моя нация – это русская литература. При этом мне нравится стоять в ней особняком. Как-то раз задали вопрос: вам, как русскому поэту, не мешают ваше имя и фамилия? Знаете, говорю, Окуджаве вроде не мешали, а я никак его не лучше...

- На каком экзистенциальном месте находится сегодня русская литература. Не только поэзия? Вы как-то сказали о творчестве В. Сорокина: «На экзистенциальную высоту он поднимается редко. Его литературная сила зависит от внутреннего спора с упомянутым стилем, т.е., в сущности, с самой советской цивилизацией...» Многим ли это сегодня свойственно? Опережает ли проза поэзия?

- Как отмечал еще В.И.Ульянов-Ленин, в каждом народе существует две культуры – буржуазная и пролетарская. Это, конечно, холуйское вранье. А вот настоящая и массовая культуры прекрасно сосуществуют. Беда таких преталантливейших авторов, как Сорокин и Пелевин, состоит, увы, в их непреклонном дрейфе в сторону «облегченной» культуры. Ну, конечно, не Оксаны Робской, но таких типажей, как Коэльо, Мураками, Кастанеда, обслуживающих нужды непрофессионального, но амбициозного читателя. Я думаю, что сегодняшнюю русскую прозу лучше всего представлять по книгам Михаила Шишкина, Людмилы Улицкой, Бориса Акунина. (Последний, кстати, ухитряется быть не только прекрасным, но и вполне процветающим писателем; должно быть потому, что неустанно, как мантру, твердит: я не писатель, я составляю проекты... Смирение паче гордости, как говорили в старину.)

А вообще-то с осмыслением происходящего в России (и ближнем зарубежье) в литературе туго. Обстановка вокруг – торжество победившей жуликоватой буржуазии – не вдохновляет. В такие времена, возможно, лучше писать о прошлом, не обращая внимания на наше окружающее, которое, честно говоря, вряд ли обладает какой-то особой экзистенциальной ценностью. Как-то незаметно наше общество решило все вопросы, поставленные Достоевским. Тварь дрожащая или право имею? Имею, блин. Если Бога нет, то все позволено? А то! Красота, может, и спасет мир, но бабки все-таки эффективнее. Слова покойного Солженицына о том, что России требуется сто лет раскаяния и самоограничения, кажется, никто и никогда не вспоминает.

- Современное состояние русской поэзии? Вширь-

В детском городке «Мзнури»

вдаль-вверх-вниз? Больше в ней горизонталы или вертикали? Какая система координат?

- Русская поэзия живет и цветет, слава богу, как, вероятно, и русская филателия, филокартия и кровное собаководство; занятия безобидные и на общество никак не влияющие. Многочисленные поэты покупают и читают стихи друг друга, анализируют их в Интернете или даже на страницах журналов (тиражом от 500 до 5 тысяч экземпляров). Стихи разные: голубые, красные. Все как всегда. Жалкие, пьющие, уверенные в собственной гениальности, разделяющие себя на школы, течения, направления... Как правило, бедные. Иногда – щедротами меценатов – встречаются на фестивалях, чувствуют себя нужными, с радостью всматриваются в аудиторию, половина которой пришла, потому что не хватило денег на кафе. Кучкуются в сети, задыхаясь от сознания собственной значимости в кругу себе подобных. А рядом – настоящая жизнь. Крутые ребята пилят бабки, на Чубайса в Интернете 4 миллиона 200 тысяч хитов, а на Кублановского – 20500, то есть в 200 с лишним раз меньше. Забавно при этом, что через сто лет первого забудут раз и навсегда, а второго, худо-бедно, все-таки будут помнить. Этим и живем. Кто-то вглубь, кто-то вширь. Главное – дышим.

- Проблемы отрыва от языка сегодня не столь существенны из-за Интернета – если он имеется. А отрыв от друзей преодолит с помощью наличия финансов и возможности сесть на самолет и приехать в любую точку земного шара. И все-таки. Преимущества и проблемы жития и жизни в Канаде-Америке-России?

- Проблемы простые: зарабатывать на жизнь. (Это если не считать таких, как болезни, возраст, смерть.) Преимущества также простые: живешь в стороне от проблем упоминавшейся великой державы (Вспомнил Бродский: если выпало в империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря). То есть, живешь всюду и нигде. Всюду чувствуешь себя гостем. Хорошо это или плохо – судить не мне. С другой стороны, близ Ньюфаундленда есть французские острова Сен-Пьер и Микелон. Хорошо, что невозможно представить себе ситуацию, в которой кровожадные сенпьерцы и микелонцы нападают на Ньюфаундленд всей мощью своей армии из трех танков и двух истребителей, а Канада в ответ проводит операцию по принуждению

зарвавшихся островитян к миру.

- В какую сторону меняется ваша поэтика вследствие движение Времени – то есть приобретения возраста, перемещения в пространстве. Если оно вообще существенно?

- В смысле, с наступлением почтенного возраста? Наверное, судить не мне. Хотя могу сказать, что нытья в стихах, кажется, поубавилось. Иным это кажется убылью энергии, жалуются. Похоже еще, что стихи стали сложнее, и уже не могут сводиться к некоему однозначному содержанию.

- Вы говорите, «жизнь в других странах несомненно, способствует расширению кругозора. Забавно бывает иной раз наткнуться в российской печати на статью об Америке, например, выдающую прискорбное невежество автора («культ доллара», «Макдональдс», «бездуховность», «полицейское государство» и пр.). В Америке давно уже (лет сто) не пишут про русские нравы, сводя их к таким понятиям, как *troika, vodka, ikra* и *belyi medved*». Подробнее бы хотелось об этом...

В Батуми

- А куда подробнее? Как был в СССР образ Америки, или, шире, Запада, так его сейчас достали из нафталина и реанимируют. Искусственное дыхание делают, грим обновляют. Что не мешает, например, юноше, который только что в Интернете разорвался по поводу «пиндосов» и всемирного западного заговора, хвастаться своим компьютером «белой» сборки, то есть западной, в отличие от «желтой» и уж совсем неприемлемой «красной». Заметим также, что при всей многолетней риторике китайских коммунистов по поводу Гонконга и Тайваня (эдаких заповедников «западного» образа жизни) они оказались достаточ-

но умны, чтобы не только не идти войной на Тайвань, но и ничего не менять в Гонконге. Понятно, что в их отсутствие «китайское чудо» вряд ли могло бы произойти. Да и наши власть предержащие почему-то отправляют детишек учиться сами знаете куда, а не в Саратов или Тверь. Хотя опять же, непременно при случае выскажутся, какое на бездуховном Западе низкокачественное образование....

- *Вновь приведу ваши слова: «Случайностей не бывает. Где-то в стихах я процитировал Набокова: наша жизнь — это изнанка ковра. Сам узор нам видеть не дано — только узелки. Но узор-то есть — и великолепный. И мы можем о нем догадываться». И о чем лично вы догадываетесь?*

- Тут могу только отослать к своим сочинениям, в которых — в меру сил — вот уже сорок лет пытаюсь воссоздать этот узор, догадаться о сути божественного замысла и промысла. А он есть, несомненно. Иначе не существовало бы искусства — нашего детского подражания Творцу.

- *Вы утверждаете, что «искусство — мистическое занятие? Иногда, конечно, нет — когда речь идет о романах в пестрых обложках, которыми сегодня забиты развалы, это всего лишь, как писали Ильф и Петров, один из 100 сравнительно честных способов отъема денег у граждан». Таки мистическое?*

- Ну конечно. Разве любовь не мистическое занятие? А церковная служба? А храм разве не мистическое строение?

- *И снова не могу не вспомнить ваши слова, которые мне очень приглянулись: «Господь Бог иной раз подвергает нас испытаниям, а иной раз вообще о нас забывает. Если Он своего сына забыл — на крест послал, — значит и нас в любой момент может забыть. И даже — на всю жизнь, если тяжко согрешим... Он проучить хочет. Или испытать. Или ты Ему просто надоел. Вот смотри: кого он любил из русских поэтов? Пушкина любил. Но послал же его на мученическую смерть! Мандельштама — как Он любил. Сделал его первым русским поэтом XX века. А как тот, бедный, погиб? Бьет — значит, любит, как говорят в русских деревнях... поэту, конечно, надо страдать (это звучит уже как пошлость). Но не надо ломать ему коленную чашечку». Так вот и хочу спросить — где тот предел, предел страданий и коленной чашечки?*

А если понимать буквально, вспоминаются слова Оскара Уайльда, что пусть Бог избавит от физических страданий, а с психическими он постарается справиться сам. Однако у него не очень получилось, кажется... Так где предел?

- Понятия не имею. Да и не хотел бы судить об этом. Где ни поставишь грань — выйдет, опять же, либо пошлость, либо кощунство. Полагаю, Господь Бог в этом разберется и без нашей помощи.

- *Вы говорите как истинный поэт: «Для меня норма — это жить, и жить интересно. Не останавливаться. Человек, остановившийся в развитии, умирает духовно — и просто доживает свою жизнь физически. К новым временам надо приспосабливаться. Их надо по-*

нимать. Нельзя говорить, что «в наши времена вода была мокрее, а женщины — моложе». Все времена одинаковы. И понять это очень важно. Норма — всегда быть в гармонии с наступающим временем». Тут разделю по вопросам.

Первое. Что за гармония со временем сегодняшним, как ее найти или как дожить до нее?

- Я в юности в преферанс любил играть. Это был целый ритуал. Целая культура, можно сказать. Не просто бросаешь карты, а еще и ведешь себя, как надо. Поговорок было несметное количество, скажем, «скатерть, жена и водка — главные враги преферанса». Моя любимая поговорка с тех еще времен — «знал бы прикуп, жил бы в Сочи». Достаточный ответ на ваш вопрос?

- *Второе. Постоянное изменение — одно из главных свойств поэзии. Меня лично этому научил Бродский: «ВСЕГДА ЕСТЬ ДАЛЬШЕ». Кроме того, естественно, любой стишок всегда опережает любую биографию. Он всегда шагает впереди. Лев Шестов был против любого мировоззрения, считая его остановкой в пути, против «твердой почвы». Любому пишущему вечная зыбкость, напрочь мешающая жить, необходима. Согласны?*

- И да, и нет. С одной стороны, зыбкость есть залог развития. Стабильность есть враг развития, потому что ведет к самоуспокоенности. Ну а с другой стороны, если начать тупо развивать эту идею, неизбежно придешь к декадансу. «Хочу, чтоб всюду плавала свободная ладья, и Господа, и дьявола хочу прославить я...» Эти стихи Брюсова, кстати, прекрасно поются на мелодию из «Карнавальная ночи». «Ах Таня, Таня, Танечка, с ней случай был такой — служила наша Танечка в столовой заводской. Работница питания! Приставлена к борщам! На Танечку внимания никто не обращал!» Примерно такова же эстетическая и этическая ценность данного забавного мировоззрения.

- *Сейчас хочу задать несколько «обязательных» для меня вопросов. Об этом я непременно говорю с каждым поэтом, с которым встречаюсь. Верлибр на Западе давно в чести. Есть в перспективе русского языка, да и любого, исчерпанность рифм, или такого понятия не существует? (Как сказала Анна Ахматова, «Я знаю все рифмы русского языка», и Тарковский, кажется, нечто подобное тоже говорил»). Или «любовь-вновь, кровь», «роза-мороза» всегда приемлемы, и нет оттенка дурновкусия?*

- Вопрос не ко мне — к Алексею Алехину или Александру Радашкевичу. Это они без рифм и размеров сочиняют. Я в 19 лет написал три верлибра и ужасно обрадовался. Ой, подумал, как легко-то, Господи! Пишешь и пишешь, никаких тебе мучений над поэтическим изложением. С тех пор не написал ни одного. Не в рифме дело, не в размере. Дело в драйве. В энергии. Чтобы верлибр (или белый стих) «работал», он должен заряжаться удвоенной, если не утроенной энергией. Это нелегко. Верлибристу всегда грозит опасность попасть под огонь бессмертного пушкинского «...что если это проза, /да и дурная?» На сегодняшнем эта-

пе развития русской пиитики, мне кажется, мы еще этих западных штук сочинять не научились. А там посмотрим!

- Явно есть какие-то объективные идеи, тональность того или иного «маленького» времени в языке буквально витает в воздухе. Например, не зная, что творится в тот или иной период в поэзии в России, никого не читая, впадаешь в какую-то одинаковую интонацию, будь это метаирония или длинная, петляющая,

Шекспира заметил, что этот посредственный актер «создал ощущение языковой неизбежности»? Я мог бы – хотя не стану – перечислить пять-шесть нынешних поэтов, которых безошибочно узнаешь по одной строке или четверостишию. Неужели этого мало?

- Каким видите будущее русской поэзии и прозы? Аудио-визуальное, а ля семь Симеонов Полоцких в тесном сотрудничестве с высокими технологиями, выражаясь экстремально?

- Ну, тогда и оперу надо представлять с артистами, носящими на шее mp3-плееры, которые по протоколу Bluetooth передают записанное пение на мощные динамики, а театр и вовсе давно должен был бы умереть, уступив место кинематографу, да и سینема давно должно было стать стерео, с особыми очками. Нет-нет. Сколько ни пытайся превратить поэзию в цирк, не получится. Поэзия – не развлечение, а приглашение разделить с автором его скорбь, из которой он, подвывая и повизгивая от боли, ухитряется-таки извлечь красоту. Какие уж там нанотехнологии...

- Кто сегодня делает вас внимательным читателем?

- Есенин, Георгий Иванов, Хармс. Старые друзья,

кое-кто из молодежи. К сожалению, большинство наших «калифов на час» удивительно предсказуемы. Два-три стихотворения – и становится скучновато.

- Как вам живется в сегодняшнем времени? Есть ли для вас самый оптимальный возраст-время и т.д.? Сколь комфортабельно самоощущение и сколь уместен этот вопрос, учитывая все плюсы и минусы эскапизма для поэта?

- Мне прекрасно живется в нынешнем времени. И всякий возраст для меня оптимален. Я мало кому нужен, но и мне, признаться, мало кто нужен. Самоощущение чрезвычайно, по вашему выражению, комфортабельно. Я зарабатываю достаточно денег, чтобы покупать необходимое количество недорогого спиртного. У меня есть Интернет, компьютер, две или даже три пары штанов, домашние тапочки. НКВД, слава богу, не обижает. Жена меня безропотно терпит. Дети растут. Чего еще надо для счастья? Все остальное оставляю за скобками.

Инна КУЛИШОВА

У памятника В.Маяковскому в Дигони

стихотворная строка с совершенно размытым ритмом и т.д. Как можно объяснить такие эвклидовы параллели?

- Ну, Маркони и Попов одновременно изобрели радио. Что-то, видимо, носится в воздухе. Только не надо недооценивать того, что подобные эксперименты могут возникать не случайно, а под влиянием одной-двух чужих строк, которые поэт где-то услышал, тут же забыл, а потом они у него всплывают из подсознания...

- Сейчас, кажется, время не великих, а хороших поэтов в русской литературе. Вряд ли про кого-то скажешь, что у него «особая природа, сверхчеловеческая», как говорил о гении Соломон Волков, никто не создал ощущения языковой неизбежности. Так ли это?

- Сама постановка вопроса представляется мне порочной. Разбираться, кто был гений, а кто нет – дело потомков. Это кто же при жизни Баратынского или Тютчева осмеливался говорить, что у них «особая природа, сверхчеловеческая»? А кто при жизни

ПУТЬ ПУШКИНА ИЗ ЭСТОВ В ГРЕКИ

Наша беседа с учредителем и председателем Международной федерации русскоязычных писателей Олегом Воловиком не охватывала всей многогранной деятельности молодой, но уже пустившей прочные корни в 52(!) странах мира организации. Подробное интервью с известным писателем и публицистом можно прочитать в специальном сборнике «Русского клуба», посвященном итогам первого фестиваля. Одна из главных особенностей МФРП, по словам Воловика, «поднимать друг друга», а ведь не каждый творческий союз может похвастать подобным отношением к своим членам. Уже само название программы действий МФРП – «Всемирное культурное наследие. Фундаментальные ценности и русский язык» - говорит за себя. Области приложения сил в рамках этой программы весьма многообразны, но, по мнению Олега Воловика, реальны для исполнения. Одна из них называется «Мемориалы словесности».

- Главная цель этого вектора нашей деятельности – устанавливать памятники русским писателям в разных странах мира, создавая тем самым очаги русского языка и культуры, - рассказывает Олег Воловик. - Уже установлено два памятника Пушкину – 6 июня, в день рождения Александра Сергеевича, – перед зданием Института русского языка имени Пушкина в Москве, и в тот же день и час – на территории усадьбы Гончаровых в поселке Ярополец Волоколамского района в Подмосковье.

Отсюда мы провозгласили старт своего рода марша по целому ряду стран, с которыми подписали договоры о выделении достойных мест для установления памятников деятелям русской словесности – в нашем распоряжении уже 15 таких. И первым в этой

очереди стоит греческий город Дельфы. Почему? Это – отдельная, и небезытересная история.

По стечению целого ряда обстоятельств мы получили известие о том, что в Тарту, в Эстонии, жертвой политического мракобесия стал памятник Пушкину блестящего мастера скульптуры Станислава Нечволодова. Его готовились установить к 200-летию со дня рождения Александра Сергеевича, но «общественность возразила», и монумент оказался складированным где-то на задворках. Мы приняли решение выкупить этот великолепный бронзовый бюст высотой более трех метров с восьмигранным гранитным основанием. Но одно дело – вывезти его из Эстонии, а другое – надо было решить, где и когда его устанавливать. Ведь найти предстояло не просто участок земли – это должно было быть знаковое место. И вот появилась идея установить «эстонского» Пушкина на горе Парнас, в греческих Дельфах. С этой целью наш представитель в Греции, известный писатель и филолог-классик Олег Цыбенко и ваш покорный слуга отправились по населенным пунктам 400-километровой парнасской горной гряды. Самый знаковый город на этом пути, конечно же, Дельфы, где находится храм Аполлона и возвышенность Геликон, обитель муз.

В течение нескольких дней нам удалось договориться с городскими властями и подписать близкий к идеальному договор. Мы передаем памятник в дар местному муниципалитету, а власти, в свою очередь, обязуются установить его и заботиться о сохранности монумента и благоустройстве территории. Но самое

Дельфы

главное – памятник не будет «оставлен в одиночестве». По соглашению, на его территории будут проводиться творческие встречи, вечера поэзии, и т.д.

Такой вот получился «путь Пушкина из эстов в греки», увенчавшийся счастливым концом. Церемония открытия памятника предположительно в октябре – первой декаде ноября.

Владимир САРИШВИЛИ

ПОХВАЛА БЕЗУМИЮ

Чтобы в разгар очередной свары между Россией и Грузией везти русскоязычных поэтов из 30 стран на день рождения Маяковского по маршруту Тбилиси – Багдади – Кутаиси – Батуми, надо быть безумным.

Руководитель культурно-просветительского Союза «Русский клуб» Николай Свентицкий, безусловно, принадлежит к этому благородному разряду прямоходящих. Правда, задумывая этот десант, он не знал, что российские МиГи вторгнутся в воздушное пространство Южной Осетии, а вслед за этим Грузия отзовет своего посла из Москвы «для консультаций». Но день рождения Маяковского было уже поздно переносить. И он отмечен в Багдади двухчасовым вечером его поэзии с участием Бахыта Кенжеева (Канада), Максима Амелина (Россия), Дмитрия Строцева (Белоруссия), Альбы Торрес (Никарагуа), Владимира Саришвили, Инны Кулишовой (Грузия), Андрея Грицмана (США) и пр., и пр. Причем первый заместитель гендиректора ТАСС Михаил Гусман без единой запинки, по-маяковски скинув пиджак, с большим чувством исполнил «Стихи о советском паспорте», за которые он здесь же, в Багдади, тогда Маяковский, в 1964 году получил приз на конкурсе чтецов. Он был тогда бакинский семиклассник, уже подающий надежды.

После всего этого становится понятно, что не в своем уме – явно не Свентицкий. Сумасшедший – кто-то другой. А взаимное тяготение России и Грузии никуда не девается, сколь бы наивно ни звучали все эти разговоры на фоне территориальных дискуссий на осетинские и абхазские темы.

«Русский клуб» Свентицкого выпускает двуязычные книги и диски, альбомы, открытки и одноименный журнал, куда пишет, кажется, вся русскоязычная Грузия. Он же устраивает гастроли наших – там и тамошних – у нас. Не сказать, чтобы его деятельность проис-

ходила в тотально безоблачной обстановке. Несколько раз приезжавшим из России артистам звонили храбрые анонимы: «Убирайтесь, убьем!» Это никого не останавливает. Ни в позапрошлом, ни в прошлом, ни в этом году я не слышал в адрес России ни одного худого слова. Мне вообще очень нравится идти ночью по проспекту Руставели и слышать от молодой компании, присевшей здесь же под чинарой: «Биков! Пишите ещчо!» – с раскатистым грузинским «щ». В общем, почему они к нам сравнительно толерантны – можно понять. Их представитель не победил на

Дмитрий Быков

«Евровидении», они не вырвали у канадцев Кубок мира по хоккею, не вышли в полуфинал чемпионата Европы по футболу, и нефти у них тоже нет, хотя есть некоторое количество марганца. И им не надо поэтому срочно подгонять свое поведение под новообретенное величие.

В доме-музее В.Маяковского

две могилы знаменитых грузин, не имеющих отношения к ней: это мать Сталина и Звиад Гамсахурдиа. Все остальные – режиссер Марджанишвили, просветитель Чавчавадзе, поэты Бараташвили, Пшавела, несравненный гений грузинского авангардизма Тициан Табидзе – прославили Грузию именно в сфере духа. Здесь эту сферу особенно ценят до сих пор, поэт здесь – самое почетное звание, он может даже нигде не работать и все равно как-то прокормится. То ли земля такая щедрая, то ли соседи.

Именно поэтому у них столько памятников Маяковскому – один в Тбилиси, два в Багдади, один в Кутаиси. Именно поэтому их национальные герои – не представители власти, а Кика-

У них вообще много проблем – сепаратизм, в частности. Экономика бедная, и непонятно, на чем бы ей разбогатеть. Коррупция несколько уменьшилась, но остается любимым национальным спортом. «Вы поймите, у нас сейчас множество проблем, кроме войны, – говорит мне временно отозванный (для консультаций, напоминаю!) посол Грузии в Москве Эроси Кицмаришвили. – У нас идет выработка новой идентификации. От советской мы ушли, она устарела, вечно ее эксплуатировать нельзя. А к другой еще не пристали. Нам этим надо заниматься, а не захватом территорий, которым почему-то всех пугает часть ваших комментаторов. Не будем мы никого захватывать военной силой, это значит потерять спорные территории наверняка...»

Я понимаю, что Грузия оказалась сегодня в заложниках у двух борющихся за нее больших сил – России и Запада, которые расходятся все дальше. И во время каждой новой поездки в Тбилиси мне все ясней, что куда бы ни повернула грузинская политика – главной доминантой двух культур, нашей и грузинской, остается их взаимное тяготение. Русских поэтов нигде не будут любить так, как в Грузии. Грузинскую литературу, кино и театр нигде не будут боготворить так, как в Москве. И именно эта связь в конце концов окажется решающей – перевесив и политические интересы, и геополитические расчеты, и малоприятные антирусские выпады грузинских властей, и неприличные антигрузинские действия русских.

В Грузии, как нигде, понимают: нация – это культура. В грузинском Пантеоне на Мтацминде всего

На встрече с общественностью в с.Багдади

бидзе и Брегвадзе. Брегвадзе я, кстати, видел живую, настоящую. Спрашиваю: «Будет война?» Отмахивается: «А, ерунда. Никогда не будет» – «Почему?» – «Потому что мы с Бубой не дадим. Что вы вообще глупости говорите. Я вот все думала, – продолжает она меланхолично, – зачем петь после семидесяти лет? А как-то еще хочется. Скоро буду в Москве концерт делать, какая война, слушайте?»

Я думаю, вот за это мы и уцепимся на краю пропасти. Можно называть это культурой, человечностью, можно даже безумием, но именно отказ от этой почти невидимой материи приводит к самому страшному. А пока она цела – все, как говорит Кабаков, поправимо.

Дмитрий БЫКОВ

Журнал «Огонек», № 31, 2008г.

в начале 90-х, уже повзрели. Многие разъехались, но некоторые приютские остались на месте, создали семьи, и теперь, как сказал владыка, у них с матушкой есть свои внуки.

Потом мы коротко были в Мцхете, в Светицховели. По просьбе владыки нас пустили поклониться в храм

Дмитрий Строев

НИКОЗИ

Рано утром, 24 июля, в «Дзвели Метехи» за мной заехал владыка Исаия, митрополит Никозский и Цхинвальский, чтобы отвезти в свою епархию. С нами согласился поехать Ниджат Мамедов, русскоязычный азербайджанский поэт из Баку. Уже из машины владыка позвонил Мамуке Джапаридзе, замечательному художнику и моему крестному, и тоже уговорил ехать с нами. Мамуку забрали из мастерской в Делиси.

Сначала мы заехали к матушке Марии, в детский приют под Мцхетой. Матушка Мария – сестра Мамуки. Они очень разные и в то же время похожие. Мамука на ноутбуке показал нам свой голландский проект – фургон – камеру обскура, на одном из бортов которого растром изображена девочка, воспитанница детского дома. Матушка рассказала, что дети-сироты, собранные здесь

Воскресения. Владыка передал мне свечи для друзей из Минска и Москвы.

Поехали дальше. На трассе владыка подобрал отца Георгия, священника из соседней епархии. Ниджат и Мамука на заднем сидении потеснились. У отца Георгия недавно родилась дочь. Мы его поздравили. Он вышел возле Гори.

Приехали в епархию. Епархия разделена границей. Митрополичье подворье в Никози, на грузинской стороне. Цхинвали, а также девять грузинских деревень, которые окормляет владыка, – в Южной Осетии.

Поспешили к Валико. Валико – театральный режиссер, который семнадцать лет, в одиночку, строит театр теней в одном из приграничных сел. Шла война, а Валико на себе таскал камни для будущего театра. Он не местный, горожанин, из Тбилиси. Долгое время на него смотрели как на сумасшедшего, теперь привыкли. Сегодня у него в труппе местные грузинские и осетинские дети и взрослые, беженцы из Абхазии.

Владыка сказал, что слышал об этом чуде давно, но познакомился с Валико только пару лет назад. Вали-

ко около шестидесяти, он наконец-то согласился принять постороннюю помощь. Поэтому владыка привез нас, пригласил министра культуры Грузии, журналистов.

Театр двухэтажный, сложен из булыжников. Кое-где использованы бетонные опалубки, вся арматура скручена вручную, без сварки. Электричество не подведено, газа нет. Окон и дверей тоже пока нет.

Дверной и оконные проемы затянули тканью, запустили генератор.

Перед началом спектакля выступил Гела Канделакви, исполнитель главной роли в фильме «Жил певчий дрозд» и мастер будущего владыки Исаии, когда тот учился в театральном институте. Потом был театр теней – грузинские и осетинские ладони на световом экране. (Теперь они у меня на рабочем столе).

После спектакля владыка показал министру культуры два аварийных храма VIII и X веков. Министр, до своего последнего назначения возглавлявший грузинское общество охраны памятников, осматривал рассевшиеся стены храмов со знанием дела.

Потом мы упали за стол в помещении свежестроенного детского садика. С одной стороны, посреди длинного стола, – владыка, я, Мамука, Ниджат. Напротив – министр, Гела, актеры театра теней.

Владыка представил меня, Ниджата. Конечно, произносили тосты, выпивали. Говорили через стол. На лицах не меркли улыбки.

Гела на своей машине забрал Мамуку в Тбилиси, а мы, уже в сумерках, поехали в Никози. Все рядом – в двух-трех километрах. На перекрестке владыка показал – направо Цхинвали, прямо Никози.

На подворье сначала подошли рабочие – молодые парни, благословились, задали

вопросы. Один из парней расспросил меня о Беларуси, он какое-то время жил у нас.

Прошли через двор. Владыка познакомил с собакой, огромным лохматым кавказцем с некупированными ушами и хвостом. Вошли в епархиальный дом. Опять накрытый для чая стол. Пять женщин, монахини и послушницы, сели ужинать с нами. Владыка нас друг другу представил. Все они год назад видели в этих стенах мою дочь Александру, когда она гостила в Никози. Инна и Евлалия передали Сашке приветы, спросили, когда приедет. Я пообещал, что в будущем году Саша будет в Грузии.

Пили чай, говорили. О Грузии, об Азербайджане, о Беларуси. Потом владыка дарил и передавал подарки: монастырское вино, монашеское рукоделье. Нам с Ниджатам. Для Иры, для Лены, для Максима и Тани, для Саши.

Ниджат Мамелов

Вид на Мцхета

Вышли во двор. Смотрели новую колокольню на фоне черного-пречерного звездного неба. Зашли в церковь. Сфотографировались у церковной стены.

Уже совсем ночью владыка повел машину назад, в Тбилиси. Дорога прорезает десятки больших и малых селений. Везде, в каждом месте, в свете фар – группы молодежи. Нарядно одетые, идут вдоль улиц, сидят у дворов, разговаривают, смеются. Все в обычае южной ночи.

У дверей гостиницы владыка попрощался с нами, благословил нас сонных легким ударом ладони в грудь. Пообещал еще навесить до окончательного отлета в Минск.

Дмитрий СТРОЦЕВ

«В ТБИЛИСИ НИЧТО НЕ СТРАННО...»*

24 июля в рамках Международного русско-грузинского поэтического фестиваля состоялась презентация юбилейного сборника журнала «Литературная Грузия». Она прошла в стенах старейшего в Закавказье Тбилисского государственного драматического театра им. А.С. Грибоедова.

* Стихотворение Яна Гольцмана из цикла «Грузия – Карелия» («Литературная Грузия», 1981, № 8)

... Вот они. Встают навстречу горы.
Как же мне не рваться к тем горам,
где лежит такой веселый город,
и собаки бродят по дворам...

Б.Окуджава, «Картли»

Песни Булата Шалвовича Окуджава вся страна пела – посредник был не нужен, а вот читать его стихи стало возможным благодаря существованию уникального для того времени русскоязычного издания «Литературная Грузия».

Год тому назад, в 2007-м, журнал перешагнул 50-летний рубеж – подумать только, полчеловеческой жизни! Журнал «шестидесятников», издание, которое стало прибежищем и «спасительным островком» для «неугодных» литераторов. Эпитетов – бесконечное множество.

Но давайте ненадолго оглянемся на тот путь, что прошел за полувек литературно-художественный и общественно-политический журнал.

С чего начинается «Литературная Грузия»?

1957 год... Первая ступень на пороге оттепели – долгожданное потепление во всех сферах жизни.

Вот выдержки из послесловия к юбилейному сборнику «Литературной Грузии» нынешнего редактора Зазы Абзианидзе: «Как не вспомнить ту атмосферу действительного, а не «фасадного» разноплеменного, литературного братства, которое после тридцатилетнего интервала продолжило традицию глубинной человеческой привязанности и творческого содружества Бориса Пастернака с Паоло Яшвили и Тицианом Табидзе, а Николая Тихонова – с Георгием Леонидзе... С легкой руки Гии Маргвелашвили для многих ... Грузия стала второй родиной, а «Литературная Грузия» – ареной поэтического и переводческого дебюта. За последние десятилетия те давнишние симпатии все еще не улетучились и грузинская литература приобрела тысячи новых читателей и почитателей за пределами нашей страны... Несмотря на политическую стужу последних лет, традицию русско-грузинских литературных отношений с завидным пафосом продолжают молодые писатели – во всем этом немалая заслуга тех людей, которые взрастили столь «морозостойкое поколение»...»

Георгий (Гия) Маргвелашвили. Публицист, переводчик, на протяжении долгих лет член редколлегии «Литературной Грузии» и, наконец, основатель и неизменный ведущий рубрики «Свидетельствует вещий знак» (прим. по строчке из стихотворения «Поэтам Грузии» Сергея Есенина).

Включенная в юбилейный сборник статья Гии Маргвелашвили «Когда на нас глядит поэт» стала своего рода напутствием «Снам о Грузии» Беллы Ахмадулиной. Бросились в глаза чудесные строки: «А сны о Грузии не были бы снами о Грузии, если бы в них не

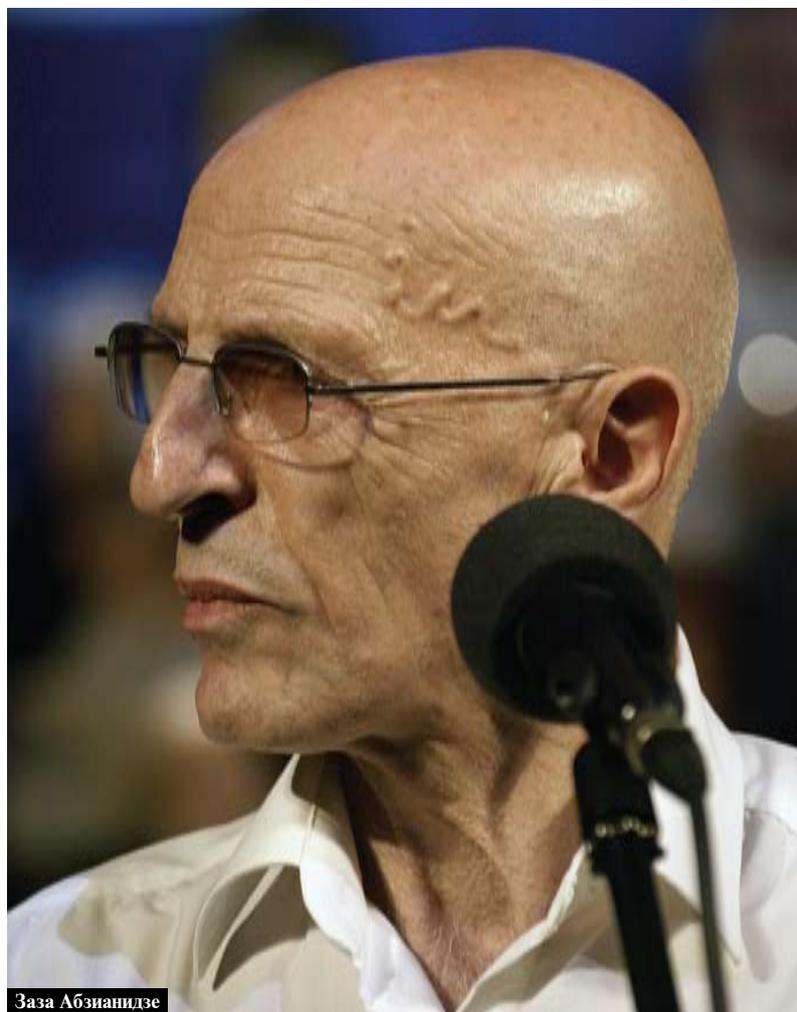
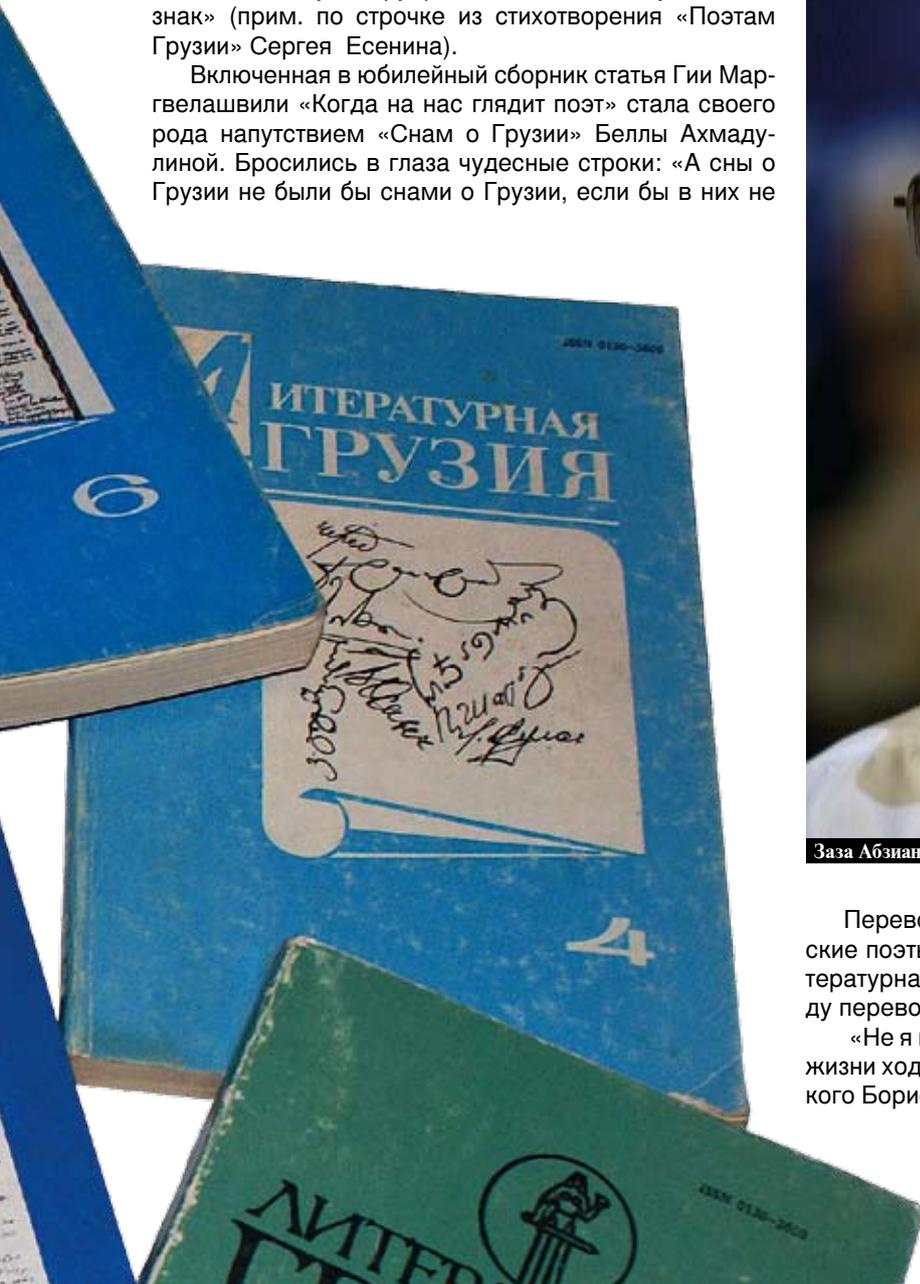
отразились волшебные видения добрососедствующих муз...»

«Добрососедство» – какое простое, но необходимое для человеческого слуха и мирного существования слово.

Еще в университете, в период, когда штудировали специфику того, что называют «переводной» литературой, в мои руки попала книга Гии Маргвелашвили «Свет поэзии».

В статье «Творчество перевода» он писал, что Евгений Евтушенко и Белла Ахмадулина, «порадившие читателя своими «открытиями» в грузинской поэзии», «не познакомили, а зажгли любовь, отверзли им их душу, раскрыли их тайное тайных, заставили пережить – не каждую строчку, нет! – каждое чувство и каждую мысль в их неразрывной слитности, то есть всю их поэзию».

«Их поэзию» - имеются в виду Симон Чиковани, Анна Каландадзе, Карло Каладзе, Георгий Леонидзе, Ираклий Абашидзе и другие имена-жемчужины грузинской поэзии.

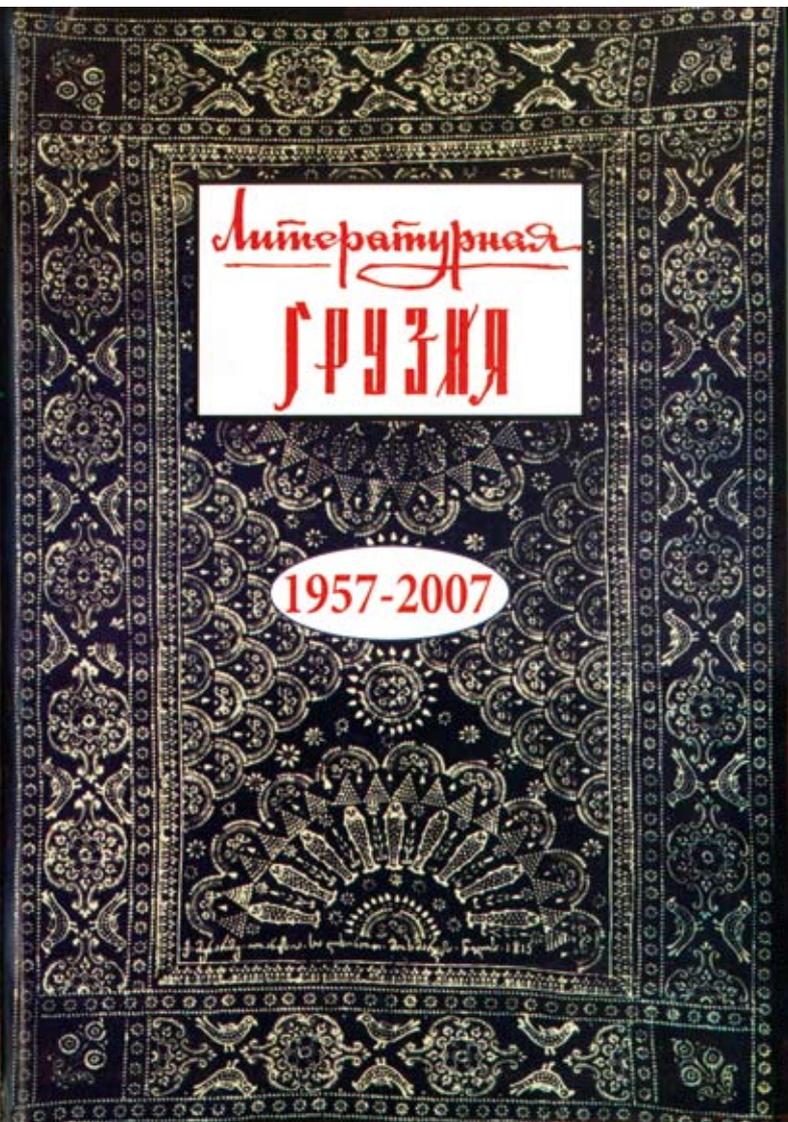
Заза Абзианидзе

Переводами занимались многие известные русские поэты. «Неуправляемая», «периферийная» «Литературная Грузия» выполняла связующую роль между переводчиками и авторами оригинала.

«Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут/ Меня, и жизни ход сопровождает их...» Это перевод с грузинского Бориса Пастернака – но, лучше скажем, русское

«перевыражение» Тициана Табидзе.

«Литературная Грузия» ... в силу царящего здесь толерантного духа объединила многих, схожих в своих возвышенных устремлениях людей; а чаще – как единомышленников, соратников и друзей для которых года, связанные с сотрудничеством в «Литературной Грузии», навсегда останутся одним из лучших периодов жизни» (из послесловия к юбилейному сборнику).

Журнал осмеливался печатать лучшее, а потому «труднопроходимое»: Иосифа Бродского, Андрея Битова, Владимира Высоцкого, Григола Робакидзе, Мераба Мамардашвили и других «запрещенных» авторов. Первая послевоенная публикация Осипа Мандельштама по инициативе и со вступительной статьей Гии Маргвелашвили появилась именно здесь. А переписка Бориса Пастернака и Нины Табидзе в «Литературной Грузии» стала своего рода откровением для многих читателей на пространстве Советского Союза. Уже после грузинской публикации переписка была издана отдельными сборниками в Италии и ФРГ.

«Под одним журнальным небом живут в добрососедстве самые разные – от имеющих право считаться

художественным открытием до просто хороших, не без искры, если не божьей, то пока хоть человеческой, от вышедших из-под пера мастера – до созданий, так сказать, неофитов, только-только приобщающихся к таинствам поэтического священнодействия», – писал Маргвелашвили о тактике формирования рубрики «Свидетельствует вещий знак».

«Дар – это и то, что тобою получено, и то, чем ты одаряешь, – одновременно. Дар – это не «на тебе то, чего у тебя нет и быть не может», а то, что уже получено мною, побывало во мне, пронзило меня...» Так считал Гия Маргвелашвили, умеющий распознать и почувствовать обладающего даром поэта.

Неслучайно Заза Абзианидзе включил в сборник литературный портрет именно Маргвелашвили, отметил: «Гия никогда не был редактором журнала, и было бы несправедливо, если б о нем, кому «Литературная Грузия» стольким обязана, не было сказано особо. Тем более, что встреча с Гией стала для меня подарком судьбы».

Из «Нетускнеющего образа» Зазы Абзианидзе: «Георгий Маргвелашвили был не просто членом нашей редколлегии, но неизменным членом нашей «редакционной семьи»... Он постоянно знакомил нас со своими открытиями – новыми людьми, стихами, переводами... Вносил в редакционную повседневность ту восторженность и легкость, которой так недостает нам... Его кумирам ничего не угрожало – Гия не просто любил тех, о ком писал, – он был влюблен в них, и это чувство первой влюбленности, восторга, какого-то юношеского романтизма придавало особый оттенок и очарование не только его отношениям с этими людьми, но и его лучшим строкам, его литературным оценкам и находкам, всей его жизни».

В 2008 году 31 октября Георгию Маргвелашвили исполнилось бы 85 лет...

*«МИР, В КОТОРОМ КРОМЕ ТРЕВОГИ И ВРАЖДЫ ЕСТЬ ЕЩЕ И ЛЮБОВЬ, И КРАСОТА, И УЛЫБКА...» **

Идя на встречу с батоно Зазой, я была приятно поражена, узнав, что он внучатый племянник выдающегося грузинского публициста, одного из основоположников грузинской журналистики, редактора тбилисской газеты (на русском языке) «Обзор» Нико Николадзе. «Редакторство в крови», – подумала я.

«В нашем доме образовалось нечто вроде «русско-грузинского литературного клуба» и, несмотря на тесноту, по вечерам было многолюдно ... Витал тот «литературный дух», который, к сожалению, все реже и реже встречается в нашем окружении» (из послесловия к юбилейному сборнику).

Его родительский дом – своего рода салон, где и по сей день царит атмосфера творчества, которую поддерживают он и его жена, художница Олеся Тавадзе.

Так было у Ладо Гудиашвили, Сергея Параджанова, Гии Маргвелашвили: мир тепла и света, особый мир, частичку которого, уходя, уносишь с собой.

Я прохожу в библиотеку, она же кабинет. Редакторский стол, по-настоящему редакторский – весь в бумагах, рукописях, письмах. На полке – номера «Ли-

* Заза Абзианидзе «История де Лиса» (сказка для больших и маленьких)

тературной Грузии» и экземпляр последнего юбилейного издания «1957-2007», сборник, в который вошло то малое из «пятидесятилетней» «Литературной Грузии» (том в 500 страниц), что обрело дыхание на ее страницах.

«Уникальность нашего журнала в андрогинности, - говорит батоно Заза. - Поскольку Андрогин – существо двуналичное, двуполое, двуналичность нашего журнала, давайте поиграем словами, изначально. Русскоязычный журнал, основанный в Грузии, и цель его – представить феномен грузинской культуры. Но культуру маленькой Грузии маленькой не назовешь. Грузинский журнал на русском языке на протяжении 50 лет прекрасно осуществлял роль литературного моста, выполнял функцию взаимообогащения двух культур. Для русскоязычного читателя, воспитанного на Пушкине и Лермонтове, Грузия никогда не была «terra incognita». Напротив, здесь был некий культурный заповедник, куда приезжали Андрей Белый, Борис Пастернак, Николай Заболоцкий, Павел Антокольский, Николай Тихонов. Они окунались не только в традиционно южное, грузинское гостеприимство, но и в особую культурную атмосферу. Эти отношения прекрасно описал Андрей Белый в своих путевых заметках «Ветер с Кавказа».

Выпущено такое количество очерков, дневников, переписки и поэтических сборников последующего поколения – Беллы Ахмадулиной, Олега Чухонцева, Евгения Евтушенко, Юнны Мориц, Александра Межирова. И не осталось ни одного мало-мальски яркого, значимого в русской поэзии поэта, кто не оставил бы книгу стихов о Грузии и переводов грузинских поэтов. Это была своего рода дань стране, которая в трудные времена пригрела их на своей земле и стала им второй родиной».

Впервые имя Зазы Абзианидзе появилось в «Литературной Грузии» в 1963 году в период редакторства Михаила Мревлишвили (прим. автор исторической драмы об Александре Грибоедове «Пламенный мечтатель»). Статья о Ладосатиани, его любимом поэте, стала первой публикацией выпускника филологического факультета.

При Георгии Цицишвили Заза Абзианидзе становится членом редколлегии и консультантом журнала. На его глазах в редакцию приходят совсем еще неизвестные поэты, которым подчас негде даже переночевать. Усилиями Георгия Шалвовича проблемы решались «играючи» – новых авторов устраивали, «обогревали», их переводы принимали в печать в издательстве «Мерани»... Эти счастливые минуты навсегда остаются в человеческой памяти.

Уже сам выступив в роли главного редактора, а затем и составителя юбилейного издания, Абзианидзе столкнулся с «нелегкой задачей» отбора материала. Не осталось ни одного номера за 50 лет, который не был бы изучен – «от и до».

«Основные вехи... обозначены деятельностью того или иного редактора. Сегодня ... убеждаешься, как индивидуальность редактора отражается на «лице» журнала и как, уже годы спустя, сквозь пожелтевшие тома журнальных подшивок проглядывают редакторские ориентиры, вкусы и пристрастия...» (из послесловия).

«Пройти по лезвию ножа и не навязать свои вкусы

тому или иному редактору, прочувствовав ту атмосферу, тенденции того времени. В процессе выборки, к нашему сожалению, нам пришлось пожертвовать многими материалами», - продолжает свою мысль редактор-составитель.

Листая номера за 1986 год, я наткнулась на публикацию литератора Александра Алексидзе «Не обор-

На презентации юбилейного сборника

вать связь времен» (как же это всегда непросто и ответственно). И вот цитата из нее: «Именно силой слова и образа можно сделать достоинством человечества главное открытие нашего века, которым является, как нам кажется, не атом и лазер, а то, что дальнейшее существование человека, человечества, жизни возможно лишь в условиях мира. Ни в какие времена у литературы не было миссии более высокой и благородной».

И словно в продолжение этой мысли приведу отрывок из статьи Зазы Абзианидзе «Homo Bellator» («Человек воюющий»), вошедшей в сборник «Защита будущего – Кавказ в поисках мира» (выпущенный под эгидой ОБСЕ в Вене в 2000г.): «Возьмемся за руки, друзья!» Сегодня такой оптимизм звучал бы фальшиво и неискренне. Возможно, когда-либо в будущем мы скажем и это. Но до того, как просто протянуть друг другу руки, без патетических клятв и заверений в вечной дружбе, как минимум надо отложить в сторону автомат».

Беру в руки юбилейный сборник в темно-синем с орнаментом переплете – трогательный «этиюд о городе» Галины Корниловой «Вот фиалка»:

«Вначале была любовь. Ночная мгла лежала на холмах Грузии, и где-то в этой мгле пылкий Мцыри душил на своей груди барса...

Страна, в которую играли в детстве и о которой в юности мечтали. Должно быть, еще и оттого, что всего этого – холмов, барсов, пылкости и неземной красоты так не хватало среди наших равнин, снегов, залитых асфальтом дворов и чахлах городских скверов...

На холмах этой страны даже печаль, если она и существует, обязательно должна быть легкой и светлой. Такой, какую ощутил здесь однажды великий поэт...»

Дай бог, чтоб так и было... Чтоб так стало...

Алена ДЕНЯГА

СОДРУЖЕСТВО ДЕБЮТОВ

Объявлены лауреаты премии «Содружество дебютов»-2008. Ими стали молодые поэты из стран СНГ, пишущие по-русски и на своих родных языках. Первое место завоевал Андрей Нитченко из Ярославля. Дипломом второй степени награжден грузинский поэт Ника Джорджанели. Третьим к финишу пришел Дмитрий Лазуткин из Украины. По мнению судей, это несомненные лидеры, за которыми большое будущее. У каждого свой яркий голос, тембр, а впитанные духовные традиции преломляются очень современно. «Мы гордимся всеми победителями, – сказала член жюри Ольга Славникова. – Читая Нику Джорджанели даже в переводах, сразу ощущаешь объем его поэтического голоса. У него есть стихи в духе Данте и Рильке, и есть тонкая глубокая лирика. Думаю, нас всех можно поздравить с появлением нового имени...»

Алена Семенова

Газета «Культура», №36,18 - 24 сентября 2008 г.

Ника Джорджанели

Международная премия «Содружество дебютов» была учреждена в апреле 2008 года Советом по гуманитарному сотрудничеству государств-участников СНГ и Межгосударственным фондом гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ. Премия «Содружество дебютов» учреждена с целью поддержки творческой молодежи в возрасте до 35 лет. К участию в конкурсе было зарегистрировано более 100 авторов из 10 стран: Армении, Азербайджана, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Киргизии, Молдавии, России, Таджикистана и Украины.

Церемония награждения состоялась в Душанбе 18 сентября. Наградил президент Таджикистана Эмомали Рахмон.

НИКА ДЖОРДЖАНЕЛИ

Родился в Тбилиси в 1978 г. Окончил Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили, факультет западноевропейских языков и литературы по специальности – германистика. Автор поэтического сборника «Раздражение от бархата» (2003, 2004 гг.) внесен в Антологию современной грузинской поэзии. Переведен на русский и английский языки. Преподавал в Немецкой школе, а также грузинский язык в Московском государственном лингвистическом университете.

В ФЕВРАЛЬСКОМ ЛЕСУ

Лексо Чхаидзе

В февральском лесу неизвестно откуда я вдруг очутился.

Чащоба сплелась надо мной. И поляна в тумане плыла полусонном.

Казалось мне: бьюсь пульсом леса я, листьев лишенного.

Сбылся философ со спутанным мировоззрением, как ветви, плетеным.

А где-то погода похожа почти на хорошую, с тучи косою дождь летит на веранды богатых дворцов, как повеса...

Как будто в лесу до сих пор не бывал я дремучем.

Как будто никто не бывал до меня в гуще леса.

В лесу я. Один. Над моим еще огнеподобным, трепещущим сердцем февраль греет руки, движенья неволит.

Ко мне, снег тревожа, с лицом перекошенным, злобным

ползет царь лесной из кустов на живой запах боли.

И вот поверх льда чью-то душу схватил я, как небыль,

и плоть подо льдом вдруг почувствовал – реку, и из-за

туч вспыхнуло солнце – блестит в обесцвеченном холодом небе,

как будто последний динар на ладони Хафиза.

2003

Дома оставшись один, я в замерзшую стену ногою упрусь и голову вниз опущу.

Прячу в себе я Тебя. А меня, человеком забыт, дом скрывает, подобно плащу.

Счастлив я тем, что заклил Ты меня моим сердцем – Твоим маленьким нервом. Из жил неба снег падает, но пусть не думают, что эту землю,

как кару свою, заслужил.
Замер январь, неизменный, холодный. Январь – как отказ. Как инвар.
Ночь поглотила молчание черных домов. И, угрюмые днем, держат улыбку в себе, словно дар.
И в темноте по дороге крадется хищником лес.
Желтую знает квартиру мою он – свой жертвенник, место для месс.
Вломится в дверь он, вперед вскинув ветви когтистые, каждая – нож,
и все мне скажут: Спасибо за то, что холодно было тебе, когда било нас в дрожь.

Переводы Инны Кулишовой

ЛЮБИМАЯ ОБНАЖАЕТСЯ

Ты, обнажаясь, приносишь присутствие времени.
Жар возвращается пеплу истлевшей судьбы.
Пляшет аквариум, – рыбки беснуются резвые.
С карты доносится рокот морей голубых.
Меж этажами мечется лифт суетливо.
И алфавит следует тела извивам.

Ты, обнажаясь, сама, вероятно, не ведая,
приподнимаешь глаза мои на постамент.
Как ни печально, но им не увидеть, наверное,
мерзость – изжитой, и подлость – сошедшей на нет.
Их достоянье лишь в том, что ни гневом, ни желчью
взор не туманился. Даже в момент поражения.

Ты, обнажаясь, мудришь над электропроводкою:
в ней, вместо тока, струится горячая кровь,
сладко-соленая, алая, слишком проворная.
И не дано твой спадающий легкий покров
запечатлеть, словно арию, на киноленте.
Тот режиссер умер давно, к сожалению.

Ты обнажаешься. Книги в тяжелых обложках
наперебой мне повествуют о прошлом,
сияясь поведать сокрытые тайны несметные.
Но лишь в тебе, обнаженной, я вспомнить надеюсь
ту красоту, что провидел еще до рождения,
только в тебе для меня вероятно бессмертие.

Ты обнажаешься, и капиллярными нитями
медленно переполняет меня изнутри
благоговенья пред Суцим, столь неизъяснимое,
что не сумею достойно возблагодарить.
Силюсь сказать. Непослушные губы немые,
чтобы коснуться бессмертья хотя бы на миг.

Ты обнажаешься – тихо, как храм оскверненный
после татар обживается Богом по-новой.
Смолкло на улице яростных птиц голошение.
Даже машины бесшумны. Беззвучная местность
вся в ожидании. Чудо так сладостно медлит.
И тишина знаменует его предвкушение.

Лбом прижимаясь к стеклу, озорное светило
шанс подсмотреть за тобою не упустило.
День проясняет лицо свое. Все сожаления
дымкой туманной рассеялись, снегом истаяв.
Ты, обнажаясь, струишься инфантою в танце.
Нашей совместною комнатою стала вселенная.

Обнажена! Наполняются легкие вдохом.
Я ни о чем не прошу – лишь позволь мне подольше
денно и ночью с тобою по этому адресу
бодрствовать вместе. И благодарить, умирая.
Старый чердак обернулся обещанным Раем.
Тщетно подвал намекает на образы адские.

2006

Перевод Виктора Куллэ

Давид Маркиш

ПРИЕХАЛ НА ПРАЗДНИК РАБОТАТЬ

С творчеством Давида Маркиша я познакомился на заре горбачевской перестройки, когда съездить в Израиль и даже привезти оттуда книги не советских тружеников пера, уже не было чем-то сродни подвигу. Друзья подарили мне несколько книг разных авторов «на пробу», и я «запал» на Маркиша. И вот, спустя много лет, довелось уже познакомиться и побеседовать. Случилось это в рамках батумской программы нашего фестиваля, но говорили мы все больше о Тбилиси...

- Я не верю в дружбу между народами, я верю в дружбу между людьми, - с такой философской сентенции Маркиша начался наш разговор. И это суждение находило безусловное практическое подтверждение в бурно кипящем «котле» участников форума.

Я полагаю, что такие литературные встречи в праздничной поэтической обстановке способствуют возникновению и росту творческих и личностных контактов одаренных людей. А это самое важное в литературном мире.

- Грузия всегда была эпицентром взаимного притяжения людей искусства, в первую очередь русскоязычных...

- Да, я люблю Грузию, абсолютно откровенно об-

радовался приглашению на первый фестиваль. С этой землей у меня связи 50-летней давности. К тому времени относятся мои первые переводы грузинской классики – Акакия Церетели, Важа Пшавела...

- А как произошло это дольше полувека длящееся знакомство?

- Если судьба – это столкновение случайностей, то вот вам и объяснение. Я учился на первом курсе Литературного института. Было мне тогда 19 лет, и я получил приглашение в Тбилиси переводить грузинских поэтов для Декады грузинской литературы и искусства 1958 года в Москве. Переводил Александра Саджая и целиком Мариджан. Это были мои первые книги...

А всех, кого я переводил в Грузии, куда приезжаю в 50-й, или, может, в сотый раз, перечислять долго. На первую волну памяти приходят дорогие имена старших товарищей – Алио Мирцхулава, Гоглы Леонидзе, двух Иосифов – Нонешвили и Гришашвили...

- С Галактионом Табидзе были знакомы?

- Я встречался с Галактионом в 19-20 лет. Он производил на меня впечатление человека из камня, покрытого коркой печеного хлеба. Да, таким он запомнился – сочетанием камня и хлеба...

Сейчас, посетив Пантеон на Мтацминде, я ходил среди надгробий от друга к другу, от доброго знакомого к доброму знакомому...

- Переселившись из России в Израиль, вы стали не таким частым гостем Грузии.

- Примечательно, что я был в составе делегации, подписавшей первое соглашение между Израилем и уже независимой Грузией в области культуры. Израиль тогда только начинал налаживать отношения с бывшим СССР...

- Здесь моментально избавились от всего советского...

- Да, я заметил – Грузия стала другой. Праздником была для меня встреча с близкими людьми. Еще был жив Арчил Сулакаури... Для меня эти встречи были не столько продолжением традиций, сколько возобновлением творческих контактов. Возобновление творческих контактов – из области добрых дел, а не злых. А этого в нашем мире более чем достаточно.

- Это замечание прямо относится к нашему фестивалю...

- Я тысячу лет не переводил. 40 тысяч строк переведенной поэзии – багаж, я думаю, достаточный. Но вот познакомился на прошлом фестивале с Нико Гомелаури, заинтересовался его стихами и... тряхнул стариной. Кроме того, я приехал на этот литературный праздник не просто как турист – я намерен навести творческие мосты между грузинскими и израильскими прозаиками и поэтами. И веду работу в этом направлении.

Владимир САРИШВИЛИ

«ЛЮБЛЮ ПОСМЕЯТЬСЯ НАД СОБОЙ!»

Много лет назад семейный совет постановил: талантливая девочка будет петь! С тех самых пор грузинская королева романса Нани Брегвадзе, отметившая недавно свой юбилей, царит на сцене, сохраняя приверженность одному музыкальному стилю. Что не мешает ей быть неизменно интересной своему слушателю.

НАНИ И РОМАНС

- Нани, недавно Вахтанг Кикабидзе рассказал в интервью, что когда-то возникла идея о вашем участии в так и не состоявшемся театральном проекте – спектакле «Я, бабушка, Илико и Илларион». А вы себя когда-нибудь представляли в качестве драматической актрисы?

- Очень многие говорят, что у меня есть драматические способности. Но это трудное, серьезное дело... особенно в театре. Впрочем, и эстрада – дело совсем не простое. Хотя многие этого не понимают и рвутся на эстраду, думая, что это легко. Разумеется, добиться высокого уровня сложно в любой сфере жизни... Я никогда не стремилась стать актрисой театра и кино, но в кино снималась. В этих эпизодах я совершенно не похожа на саму себя. Ведь я очень спокойный, выдержанный человек, в то время как в «Ожерелье для моей любимой» моя героиня ругается, даже дерется со своим сыном. Это абсолютно не мой характер... как и в недавней грузинской картине, где я сыграла прокурора. Почему я на это согласилась, не знаю. Ведь публика привыкла меня воспринимать в совершенно ином качестве.

- А если бы вам предложили выйти сегодня на сцену, вы бы согласились?

- Я не знаю. Может быть...

- Вам присуще совершенно особое чувство собственного достоинства, какая-то спокойная уверенность в себе, что ли. Откуда это?

- Это и воспитанное, и врожденное качество. Сколько бы тебя ни учили чему-либо, если этого в тебе нет от природы, то ничего не получится. Хотя меня воспитывали, конечно, внушали, как нужно себя вести. Моя мама на все обращала внимание, а я была

Нани Брегвадзе

очень послушным ребенком... Да и сейчас мало что изменилось во мне. Если мне кто-то сегодня делает замечание, обязательно к нему прислушиваюсь. «Я всегда права!» - это не про меня. Учусь каждый день, хотя образ мой уже сформировался. В творчестве я себе никогда не изменяла – ни в репертуаре, ни в стилистике. Мне близки песни, выражающие глубокие мысли, яркие чувства... А разные там подтанцовки – не для меня. Да и стиль одежды, сценический образ должны соответствовать тому, что поешь. Будучи молодой, я исполняла разные песни на многих языках мира и случайно спела один романс... С тех пор все и пошло – публика всегда просила меня исполнять романсы. Даже когда я еще выступала с «Орэра», да и потом – с Медеей Гонглиашвили. Романс дает возможность выразить богатый мир эмоций. В принципе, такие банальные, сентиментальные слова позволяют тебе передать то, что чувствуешь. На концерте обычно создается впечатление, что я пою для одного человека. Потому что практически все прошли в своей жизни эти этапы – любовь, ревность, обман,

разочарование, потеря... А о родине я вообще ничего не пела. Там нужен пафос!.. Впрочем, пела и пою о Тбилиси – знаменитое «Тбилисо». В этой песне такая замечательная музыка и такие потрясающие слова – их суть, к сожалению, не передает русский перевод. Когда пою о Тбилиси, у меня рождается ощущение, что это молитва о городе. И сила ее воздействия на публику огромна. Помню, я выступала с «Тбилисо» в Филадельфии, и в зале плакали. И я не смогла допеть – тоже начала плакать. Тогда в Грузии шла гражданская война. Композитор Реваз Лагидзе, автор «Тбилисо», – потрясающий талант, создавший много шедевров. Причем все его песни – разные. Ни одна не похожа на другую. Но феномен «Тбилисо» ни с чем не сравним. Я обязательно завершаю любой свой кон-

над собой, часто отношусь к себе с иронией. Никогда не надо этого бояться.

- Как вы находите ключ к исполнению того или иного романса, песни?

- Репетиций как таковых у меня не бывает. Выучить песню, романс – да. Но отрабатывается это, доводится до совершенства уже на концертах. Общение с публикой помогает рождению песни, романса. На концерте я очень напряжена, думаю о том, как подать впервые исполняемый романс – идет постоянный поиск. И в конце концов я нахожу решение – вокальное произведение обретает свой окончательный образ. При этом никогда не пою песню одинаково. Мое выступление на концерте – это обычно выражение сиюминутного настроения. Пою так, словно это проис-

исходит в первый раз. Ни в коем случае нельзя допускать исполнения механически! Поэтому у меня всегда «включена» голова. Публика не должна заметить, что ты в плохом настроении или неважно себя чувствуешь.

- А ваш жизненный опыт отражается в творчестве?

- Моя личная жизнь никогда не касается творчества, не отражается на песне или романсе. Это нечто отдельное. Были случаи, когда я сидела за роялем и пела для Него. Наедине, вне сцены. А приводить на сцену еще кого-то и петь для Него? Зачем? В зале я пою для всех, и каждый пришедший на концерт думает, что песня звучит именно и только для него.

- А стилистика, манера вашего исполнения старых песен, романсов меняется со временем?

- Обязательно! То, что я записывала раньше, мне не нравится. Со временем я стала исполнять эти песни с другим отношением, моя поздняя трактовка стала более глубокой. Можно не взять высокую ноту, но одной музыкальной фразой выразить мысли и чувства так, что песня захватит зал. Возраст, жизненный опыт, вокальная практика помогают мне передать многое гораздо тоньше, чем я это делала раньше. И потом, я стала

С Тонино Гуэрра

церт именно этой песней – по просьбе публики.

- Вы сказали о сентиментальности романсов. А вы сами сентиментальны?

- Да, я очень сентиментальна, чувствительна. Много на меня действует. Я могу заплакать даже от чего-нибудь хорошего, радостного... Но я могу и посмеяться, очень смешно, с юмором рассказать какую-нибудь незначительную историю. Люблю посмеяться

более осознанно относиться к тому, чем занимаюсь. Стараюсь петь так, чтобы до слушателей дошла каждая моя фраза, малейший нюанс. Здесь имеют значение и мое поведение на сцене, пластика движений. А это зависит от настроения и рождается как бы само собой...

- Откуда вы черпаете вдохновение? От публики?

- От публики – обязательно. Но многое, как я ска-

зала, определяет настроение, состояние моей души. Я очень редко довольна своим выступлением – за всю жизнь, наверное, раза три была удовлетворена. Однажды на концерте в московском Доме художника... Когда мой голос хорошо звучит, я свободна, для меня нет ничего невозможного! А если с горлом не все в порядке или я еще нетвердо знаю слова, мне это обычно очень мешает – уже не могу думать о том, как исполнить новую песню, какой нюанс добавить... Помню, в Тбилиси приехала моя любимая Елена Образцова, и я выступила на ее концерте в консерватории. Вот тогда, помню, я была очень собранная, концентрированная, чтобы не выглядеть хуже оперной дивы. Увы, этот очень удачный, на мой взгляд, концерт не записали...

- Все-таки как вы определяете свой жанр? Это шансон?

- Романс предназначен для салонов. Но я не люблю салоны. Я очень скована в малом зале, в малой аудитории... Я раскрываюсь, как ни странно, в большом зале, на большой территории, хоть романс, казалось бы, предполагает камерность. Очень приятно выступать в концертном зале «Россия»... По-моему, главное – чтобы публика слушала, а не смотрела на нас. Хотя сегодня больше ходят смотреть, чем слушать потому что слушать, собственно, нечего. Одинаковые ритмы, одинаковые слова... И при этом замечательное оформление, эффектная режиссура. На сцене – беготня. Такое впечатление, что все куда-то спешат и так веселятся, что сил нет. Ни одной серьезной, хорошей песни не услышишь! И бедная публика к этому привыкла. Вкус ее испорчен... Исполнители боятся просто стать и спеть, не прикрываясь разного рода эффектами... Боятся, что не будет аплодисментов. А вот у меня такого страха нет. Для меня важнее мнение профессионалов. Нет, аплодисменты нужны, конечно, но не всегда они отражают реальный успех. Бывают хорошие, густые аплодисменты, которые недолго длятся. А если долго, я их останавливаю. Меня это беспокоит. Я странный немного человек... У меня ко многому своеобразное отношение. И я очень хорошо чувствую атмосферу зала.

НАНИ И МАРИЯ КАЛЛАС

- А кто был вашим учителем?

- Моя семья, мои тетки – они великолепно пели. Это стало для меня хорошей школой – школой вкуса. Ведь главное во всем – вкус. Не переборщить. Раньше редко кто из поющих выходил на профессиональную сцену. Моя тетка Кетеван Микеладзе, потрясающая певица, пела, а потом муж ей запретил. У нее были потрясающее горло, эмоциональность, музыкальность. Совсем юной девушкой она выступала с первым джаз-оркестром. В 1937 году на Декаде грузинского искусства в Москве Кетеван спела вместе со Сталиным и получила вскоре орден и квартиру. А как моя двоюродная тетка пела «Калитку», «Снежинку», другие песни и романсы – без музыкального образования? Я многому научилась у нее, но потом, конечно,

С Мелеей Гонглишвили

внесла свои нюансы... А сначала о вокале и речи не могло быть. Я училась в консерватории по классу фортепиано и готовила себя к карьере пианистки. И даже когда стала выходить на сцену и петь, все равно не считала себя певицей. У меня была другая специальность! Я даже собиралась поступить в аспирантуру по классу фортепиано. Помню, однажды разучивала концерт Скрябина, и у меня не получалась какая-то фраза. Педагог мне сказала: «Ну-ка спой!» И я спела, спела правильно. «Вот как спела, так и играй!» - подбодрила меня педагог. Значит, вокальное восприятие было во мне сильнее. Но ни я, ни мама не задумывались над тем, что мне нужно обработать свой голос! У меня, как говорили специалисты, он от природы хорошо поставлен. Я правильно пою, и у меня никогда не было проблем с горлом. Помню, в Баку мне как-то сказали: «Как у вас хорошо получается – от форте плавно перейти к пиано, и так закончить песню». Этому меня действительно никто не учил. Бог наградила меня этим даром. Я ежедневно благодарю Бога за это богатство. Голос – это действительно богатство. Как и способность к художественному творчеству, математический дар...

- А когда, при каких обстоятельствах вы отказались от карьеры пианистки и посвятили себя вокалу?

На концерте

- Сначала все шло параллельно – учеба, поездки за границу с ансамблем «Орэра», выступления с Медеей Гонглиашвили. Когда я стала получать звания – заслуженной, народной артистки, то почувствовала себя профессиональной певицей. Невозможно было от этого уйти... У меня сложилось более серьезное отношение к пению. К тому же сцена – это настоящий магнит. Но и фортепиано до сих пор притягивает, просто руки уже не идут. Я всегда играла – «Балладу» Шопена, например. Очень любила Баха, его французские и английские сюиты, часто выступала с ними на сцене. Но при этом у меня была огромная потребность сесть за рояль и петь. Так я и делала: садилась одна за инструмент, представляла, что вокруг меня собралась публика – выдающиеся музыканты, даже те, кого уже нет в живых. И я пела для них...

Моя мама была очень мудрой – она не запретила мне выступать на сцене с пением. Помню, мой дедушка, человек строгих взглядов, старомодного воспитания, тетки решали, позволить мне или нет выйти на сцену. А мама сказала: «Пусть поет!» Потому что в школе я все время выступала – играла на гитаре, на рояле и пела. Даже выходила на сцену с аккордеоном...

- Почему же не все были согласны, чтобы вы пели на сцене? Это занятие казалось сомнительным?

- Да, именно таким было отношение к сцене.

- А для вас приоритетом по жизни была сцена или семья?

- Семья всегда была на первом месте. Пение для меня было чем-то очень легким, необременительным, скорее удовольствием, чем работой. Я никогда не пела, чтобы стать популярной, чтобы получить какие-то звания. Я пела, потому что пела. Потому что мне хотелось петь. Но при этом моя семья, друзья были и есть для меня самое главное...

- Но, тем не менее, у вас все получилось – я имею в виду карьеру певицы.

- Может быть, потому, что была спокойной, не стремилась к успеху любой ценой, не уставала от этого стремления.

- Вы не честолюбивы?

- Абсолютно! Меня не огорчают, как многих других, чужие победы, популярность. Я занимаюсь своим делом. Тебе нравится – хорошо, не нравится – ничего не поделаешь. Нравится, если до сих пор держусь. Главное – спокойствие и доброжелательность. Кстати, эти качества воспитаны у меня в детстве. Да и характер у меня такой. Не помню, чтобы мама кого-нибудь ругала. У нее были потрясающие слух и вкус,

но она никогда не критиковала... И если ей не нравилось мое пение, она лишь спрашивала меня: «Мамочка, тебе это нравится?» Я знала: значит, что-то не так! Когда для меня писали какую-нибудь песню, я сразу показывала ее маме. Мнение ее было очень важно для меня. И если мне что-то не нравилось, я спрашивала: «Мама, у тебя такой вкус, такой слух, неужели тебе это нравится?» Только маме я могла это сказать... В обществе я такого себе не позволила бы. Если в моем присутствии ругают какую-нибудь певицу и при этом смотрят на меня ища поддержки, я молчу. Мне просто неловко становится...

- Значит, вы не сможете сказать человеку прямо в лицо: «Знаешь, ты делаешь что-то не так!»?

- Ни в коем случае. А вот мне могут сказать все, и я восприму критику как надо. В отличие от других, которые считают себя вне критики. Будучи на пике, они выжимают из себя последние силы. Неужели я пойду и скажу: «С тобой что-то не так!»? Время само расставляет все по местам... Сегодня нередко вокруг какой-то певицы или певца возникает бум. Но я чувствую, что за этим успехом – пустота, что скоро начнется спад. Это и происходит. Жизнь идет вперед, публика жаждет новых имен, начинается очередная рекламная кампания, однако редко кто выдерживает испытание успехом. Кстати, часто публика любит и ценит тех, у кого немного регалий.

- Кого из коллег уважаете как профессионалов?

- Говорить об этом, по-моему, неприлично. А мой кумир – Мария Каллас. Могу слушать ее с утра до вечера. Можно с ума сойти от того, что творит эта певица! И кто бы ни пел, как бы прекрасно ни звучал голос певицы – это не Мария Каллас! Она делает такие пиано – а пиано очень трудно играть и петь. Об этом говорил как-то Ростропович, имея в виду меня. Это мнение для меня важнее всего. Ничего другого мне не надо, не хочу! Я очень критична по отношению к себе. Да и к другим тоже. Я все слышу. Мое ухо улавливает малейшие нюансы. Голос вроде идет хорошо, и вдруг что-то не то... Все в восторге, а я – напротив. Не потому что я лучше других, просто я говорю, как чувствую. Может быть, я и не права.

НАНИ И РОССИЙСКАЯ ПУБЛИКА

- У вас сложились особые отношения с российской публикой. Чем объясните такой интерес к вашему творчеству?

- Замечательная публика! Многое зависит, конечно, от исполнителя. Я на сцене очень искренна. А зрители обязательно это чувствуют – мое отношение к ним. Я их не обманываю, делаю все, чтобы после концерта они ушли довольные. От души пою, даже если зал неполный. И никогда не кривляюсь на сцене. Мы становимся с публикой одним целым. Не было концерта в России, чтобы зал в финале не встал. Вот это меня поражает – такое выражение восторга. Может быть, где-то я недотягиваю, или хриплю, или забываю слова. Но это происходит очень естественно... И ценится больше, чем пение под фонограмму. Уитни Хьюстон, недавно выступавшей в Астане, и в голову не пришло бы петь под фонограмму. Хотя у нее уже давно нет голоса... К сожалению, образ жизни отражается на всем – важно, как артист живет.

- И как вы живете?

- Нормально живу. Не пью, иногда курю – мне нравится сам процесс.

- Но это же влияет на голос.

- На мой голос ничего не влияет... Мне не нужно совершать каких-то действий, чтобы обо мне говорили. Мне не нужна плохая реклама! И я стараюсь не запятнать свое имя... Хотя другие делают на скандале имя. Меня это раздражает...

- А журналисты не пытались влезть к вам в душу, узнать что-то о вашей личной жизни?

- До сегодняшнего дня ни в одном журнале или газете не было опубликовано ничего такого. Да и я не совершаю ничего предосудительного. К тому же Грузия – маленькая страна, и все про всех все знают. Я это учитываю.

- Ваша отличная физическая форма – результат работы над собой?

- Иногда занимаюсь йогой. Это мне очень помогает... Что касается моей комплекции, то это от природы. Я никогда не была и не буду полной.

- А в питании себя не ограничиваете?

- Сегодня выпила кофе – и все. Я хочу кушать, но

мне лень это делать. Если мне не подадут, я ни к чему не прикоснусь. И я никогда не наедаюсь, встаю из-за стола слегка голодной. Хлеба ем мало, не употребляю масла, разве что в самолете. Это уже привычка...

- Самоограничение – привычка для вас. Значит, у вас вообще нет слабостей?

- У меня одни слабости, что вы! Гораздо больше, чем сильных сторон... И слабости идут со мной по жизни. Но самое главное – мое отношение к жизни, мои поступки. Ненавижу, когда лгут, хитрят... Это страшная, ужасная черта в человеке. С такими людьми я не общаюсь... Хитрят и умные люди, но хитрости в человеке не должно быть больше, чем ума. Ценю благородство. Не люблю, когда человек всеми силами старается выделиться. Богатые внутренне люди, как правило, очень скромны.

- Сохранить голос, внешность – это много!..

- Вы думаете, я за собой как-то особенно ухаживаю? Да нет... Но я стараюсь не уставать. Не делаю в один день три-четыре дела... Но когда есть работа, концентрируюсь, держу себя в руках. Хотя люблю поспать – это очень важно! Тщательно ухаживаю за своим лицом – каждая женщина должна это делать.

- Как вы относитесь к пластическим операциям?

- Почему бы не похорошеть?

Но перебарщивать в этом нельзя. Во всем нужна мера, даже на концерте! Сразу чувствую, когда нужно ставить точку...

- Вспомните самый запомнившийся концерт...

- Так не бывает... Не забыла первое выступление на сцене московского театра Красной Армии. Меня слушал сам Утесов, и ему понравилось... Запомнила и выступление в парижской «Олимпии» - это было в 1964 году. Я так влюбилась в Париж, что по возвращении в Тбилиси решила, что моя дочь должна обязательно выучить французский...

- А ваша любимая книга?

- Очень люблю русскую классику. Была увлечена Толстым. Меня интересовала его личность. И еще люблю Пушкина... Меня всегда привлекает личность автора, стремлюсь разгадать ее. В последнее время увлеклась мемуарной литературой. Читаю мемуары матери Уинстона Черчилля. Это что-то потрясающее!.. Жаль, что компьютеры заменили книги. Недавно посоветовала внуку прочитать «Три мушкетера». Утром он мне сказал, что уже прочитал произведение. А на просьбу рассказать ответил так: «А что рассказывать? Видел «Трех мушкетеров» по телевизору, зачем мне читать роман?» Наступило время, к которому я никогда не привыкну...

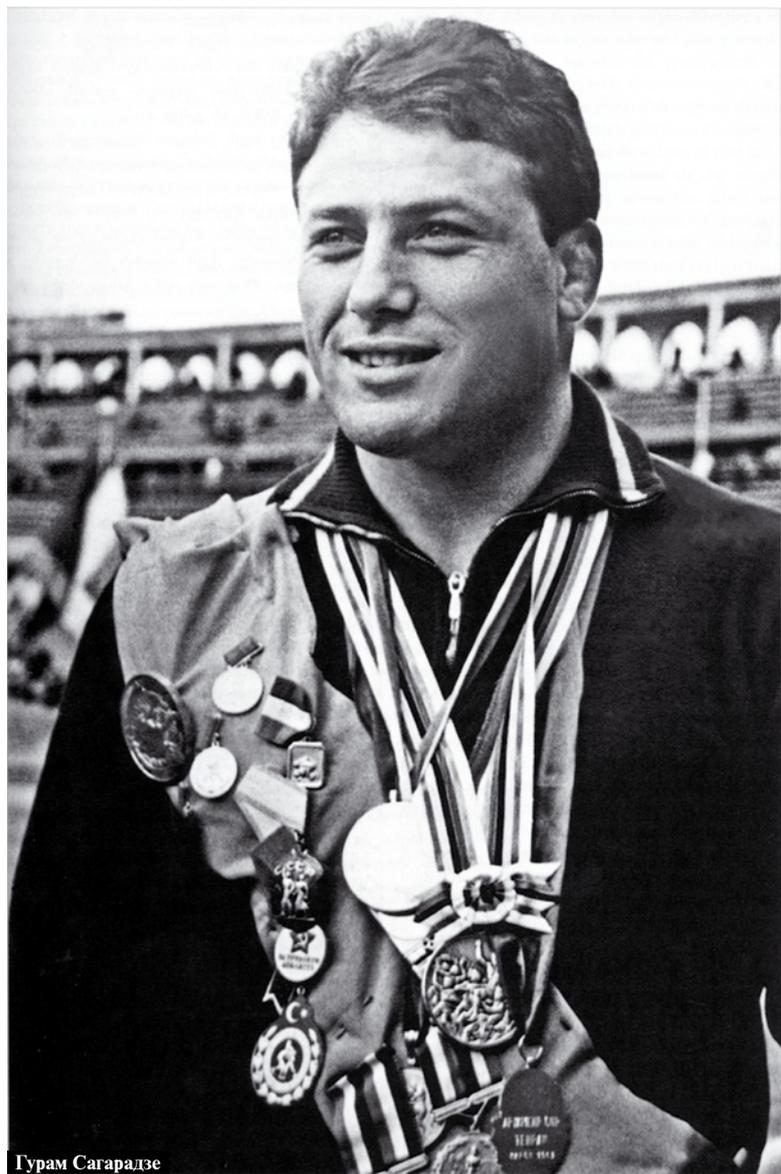
Инна БЕЗИРГАНОВА

ТАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ

Трудно, наверное, придумать ситуацию, когда финалист олимпийского турнира по вольной борьбе не наблюдает за поединком своих главных соперников. Но так было в Токио-64. Когда на ковер вышли Гурам Сагарадзе и иранец Мохаммед Али Санаткаран бороться за золотую медаль, турок Исмаил Оган сгонял вес в сауне. Все рассчитал хитроумный Оган: что схватка чемпиона мира-63 Сагарадзе и чемпиона мира-61 Санаткарана, скорее всего, закончится вничью и показатели всех трех финалистов в полусреднем весе будут равными. И тогда вступит в силу фактор собственного веса борцов.

Оган постарался быть легче соперников, и это действительно решило после личных встреч тройки призеров, в которых оба соперника грузинского атлета уклонялись от активной борьбы. Знали его силу. В предолимпийском году на чемпионате мира в Софии Сагарадзе был первым, турок – третьим, пропустив вперед еще и болгарина Петко Дерменджиева. Санаткаран – только пятый.

Оган – выдающийся мастер национальной «масляной» борьбы, в которой решают не сила и вес, а ловкость, быстрота, смелость и выносливость. Вот и в Токио он натерся оливковым маслом. Гурам, как ни старался, не смог зажать в захвате скользкого соперника – каждый раз тот выскальзывал. У обоих одинаковые результаты: равное количество проведенных схваток и побед – по очкам и на туше, и штрафных

Гурам Сагарадзе

очков – по два. После их поединка, закончившегося вничью, турок оказался на 300 граммов легче Сагарадзе. Оган – олимпийский чемпион, Сагарадзе – второй, Санаткаран – третий.

Обидно? Конечно! Единственное утешение – расстроившая до слез телеграмма из дома от дорогих людей, представителей старшего поколения Эроси Манджгаладзе и Додо Абашидзе: «Твое серебро нам золота дороже, возвращайся спокойно!»

Гурама упрекали, что с его мастерством он просто обязан был подойти к финалу с меньшим грузом штрафных. Иными словами, класть на лопатки всех подряд. И тогда соперникам пришлось бы выигрывать у него личные встречи. А они и ничьей с трудом добились. Почему-то вспоминали упущенную возможность выиграть чисто у индийского борца Мадхо Сингха. Но олимпийский ковер коварен, по заказу здесь не выиграешь. И давайте вспомним неуступчивого борца с берегов Ганга, который на ковре был несокрушимым, как скала – гнулся, но не ломался. На двух Олимпиадах Сингх проиграл по две схватки, но какие! В Риме

Они готовились к Токийской олимпиаде. Сидят: Гурам Сагарадзе, Нодар Хохашвили, Вахтанг Балавадзе, Давид Гванцеладзе, Петре Иорданишвили, Темури Хитаршвили. Стоят: Омар Эгдзе, Роман Руруа, Анзор Кикнадзе, Парнаоз Чиквиладзе, Роин Магалтдзе, Анзор Киброцашвили, Ростом Абашидзе, Андрей Цховребов, Шота Ломидзе. Алушта. 1964г.

– Георгию Схиртладзе (второе место) и шведу Хансу Антонссону (третье место). В Токио – Исмаилу Огану (чемпиону Игр) и Гураму Сагарадзе (второе место). И все по баллам. В Токио он был шестым. Другое дело, что во встрече с Сагарадзе ему помогли судьи. Гурам добился огромного преимущества – более двадцати баллов. Арбитр на ковре даже остановил схватку, посчитав туше. Но решением судейской коллегии схватка была продолжена.

Разгадка тут в другом. Сагарадзе всегда думал о борьбе и очень редко о результате. С годами понял, что был не прав. Наверное, нужно было искать золотую середину. Его стихия – неожиданная атака, взрывная сила, умение вложиться в прием, перед которыми пасовали сильнейшие полусредневесы мира, становясь беспомощными, как дети. Его, выросшего в борцовской семье (отец Реваз был известным мастером по классической борьбе, брат отца Иорам даже входил в сборную Советского Союза), поначалу больше привлекала спортивная гимнастика, около года посещал секцию по соседству, в Кировском парке, прежде чем сделал спортивный выбор – пришел на занятия к выдающемуся тренеру и чемпиону страны Шалве Ивановичу Нозадзе.

Сегодня трудно представить большую борцовскую семью Грузии без Гурама Сагарадзе, двукратного чемпиона мира, трехкратного – Советского Союза,

обладателя олимпийского серебра.

Рос в Тбилиси, в Верийском квартале, здесь же закончил на серебряную медаль 8-ю среднюю школу, был одним из лучших студентов Политехнического института. Книголюб и любитель песни, всеобщий любимец. Уже в ранге победителя юношеского первенства Грузии пришел в борцовский зал на Орджоникидзе-вской улице – в помещение бывшей церкви, знаменитый «Петрес дарбази», где божьей милостью мужали, набирались мастерства великие грузинские чемпионы Гиви Картозия, Вахтанг Балавадзе, Давид Цимакурдидзе, Мириан Цалкаламанидзе, Георгий Схиртладзе, Ростом Абашидзе, Автандил Коридзе, Владимир Рубашвили...

Незабываемая для него, гармоничная семья образцовой борьбы с ее уроками морали и мужества, абсолютным порядком, почитанием старших и младших, в которой доминировали справедливость и воспитание.

Об этом счастливом периоде борцовской юности, когда сборные команды СССР по всем видам борьбы на семьдесят процентов были укомплектованы грузинскими борцами, и о многом другом взволнованно и талантливо Сагарадзе рассказал в своей недавно вышедшей книге «Наследие», очень оригинальной по форме и содержанию. Читателю близок и понятен ее пафос, обращенный к нынешнему и будущему поколе-

ниям, – без знания откуда мы родом, кто из предшественников прославил родную Грузию на мировой арене, невозможны и новые великие победы и прогресс в спорте. И, в первую очередь, важны воля, трудолюбие, мужество и постоянная нацеленность на победу.

В жизни каждого большого спортсмена есть звездный час. Для Гурама таковым стал матч сборной СССР с иранскими борцами в 1961 году. Гости на последнем чемпионате мира в Иокогаме завоевали пять золотых медалей из восьми. Когда Сагарадзе вышел на ковер в Тбилисском цирке, против него стоял Эмамали Хабиби, чемпион Мельбурнской олимпиады и победитель трех мировых первенств. Именно иранец на чемпионате мира в

Иорам, Гурам и Реваз Сагарадзе

Народный артист Гурам Сагарадзе:
«Горжусь Гурамом, он украшение нашей немногочисленной фамилии»

Тегеране (1959) опередил Вахтанга Балавадзе. И теперь 22-летнему юноше предстояло заменить своего земляка, двукратного чемпиона мира, вышедшего из строя из-за травмы. Зал поначалу сдержанно встретил Гурама, к тому времени он еще ни разу не был чемпионом Союза. Старший тренер сборной по вольной борьбе Александр Дякин был краток перед поединком: «Победишь Хабиби – тебе гарантировано место в сборной».

Первая же минута принесла сенсацию – Сагарадзе проходом в ноги провел любимый прием иранца «мельницу» и повел в счете 2:0. Не комплексуя перед громкими титулами соперника, ни в чем не уступал великому Хабиби, который еще известен как

исполнитель главной роли в кинофильме «Мазандаранский тигр». Гурам победил «тигра» в стиле, который восхитил и руководителей иранской команды.

Во второй половине встречи он несколько раз сбивал иранца в партер и повел со счетом 6:2. Что творилось в зале! Земляки, словно извиняясь за прохладный прием, не скупались на аплодисменты. Но Гурам устал, отражая непрерывные атаки. Трудно дышать, слишком выложился в начале (он выступал с сильнейшей ангиной, и первый его визит наутро был известному врачу-отоларингологу Вахтангу Хурцидзе. «Ты, молодец, с таким горлом поборолся», – сказал ему свидетель вчерашнего триумфа).

Но пока надо выстоять. «Выдержи, Гурам», – слышит он призыв Владимира Рубашвили. А сам думает об одном, когда истекут эти последние минуты. Все расплывается перед глазами, маячит черный силуэт, непрерывно его преследующий. Приходится защищаться. Тает преимущество – 6:3, 6:4, 6:5... В грохоте аплодисментов гонга не услышал. И вот уже хлопчет над ним врач сборной Геннадий Бакушев. Его подхватывают сильные руки друзей, подбрасывают в воздух.

Тренер иранской команды признался: «Это одна из лучших схваток, виденных мною. Не ожидал, что у непобедимого Хабиби окажется такой соперник в лице малоизвестного в борцовском мире Сагарадзе».

Говоря так, гость грешил против истины. Сагарадзе к тому времени триумфально прошел турниры борцов-«вольников» в США, Венгрии и был введен в советскую сборную. Победы на коврах Турции и Японии утвердили за ним репутацию «рыжей советской стали». Кумир Страны Восходящего Солнца Шодзо

Сасахара, чемпион Олимпиады в Мельбурне, предсказал победу Сагарадзе на ближайшем чемпионате мира. И он надежды оправдал уже в Софии. Победы на международном турнире в Иране и чемпионате страны дали ему право на участие в Токийской олимпиаде.

Через год, на чемпионате мира в Манчестере, Сагарадзе снова вне конкуренции. Санаткаран только второй. Гурам победил по баллам Дерменджиева, который был четвертым в олимпийском Токио, и других мастеров ковра. Надо иметь большое сердце и светлую голову, чтобы так сказать о побежденном сопернике: «Петко ничем не уступал ни мне, ни Огану. Просто ему не везло».

Эти слова можно адресовать самому Гураму Сагарадзе, хотя не в чем упрекнуть победителя и призера чемпионатов Европы и других престижных турниров, бессменного члена сборной страны в 1961-1969 гг.,

С внуками Рати и Лукой

удостоенного после Манчестера звания заслуженного мастера спорта. Только досадное недоразумение помешало ему через год выиграть в Толедо (США) третью золотую медаль чемпиона мира, которая досталась земляку Огана – могучему Махмуду Аталаю, будущему победителю Олимпиады в Мехико (1968). С Аталаем у Гурама счет равный - 1:1.

Завершив на самой высокой ноте свои выступления, Сагарадзе из большого спорта не ушел, остался работать тренером в главной сборной страны, стар-

шим тренером сборной Грузии, директором школы борьбы. Вице-президент Национальной федерации борьбы. Кавалер орденов Чести, Вахтанга Горгасала II степени, Международной любительской федерации борьбы (ФИЛА), Почетный гражданин Тбилиси. Ему, заслуженному тренеру СССР, во многом обязаны своими высокими достижениями чемпион Олимпиады-88 в Сеуле в тяжелом весе Давид Гобеджишвили, победитель Всемирной Универсиады Георгий Макасарашвили...

«Хорошо знаю силу и возможности Гурама Сагарадзе, – говорит чемпион мира и заслуженный мастер спорта Зарбег Бериашвили, – нас почти одновременно ввели в сборную СССР и многие годы пришлось обоим идти этим тяжелейшим путем. Он щедро был одарен качествами гениального борца – физически сильный, выносливый, быстрый, с блестящей техникой. Об этом говорят его турниры. Кто не мечтает достичь таких успехов и славы, и все же исходя из воз-

можностей Гурама, он мог достичь значительно большего. А почему это не произошло – «виноваты» его добродушие и добросердечность».

С Зарбегом Бериашвили связан случай на чемпионате мира 1969 года в Мар-дель-Плата, одинаково комичный и трагичный.

Решили три друга – Гурам Сагарадзе, Зарбег Бериашвили и Тариэл Алибегашвили искупаться в океане. Плавают, заплыли за какие-то проволочные сетки, а по берегу бежит аргентинец, служащий отеля, и почему-то кричит на них. Вылезли они из воды спрашивают по-грузински: «Ты что это разоряешься? Купил этот океан?» А он пальцем у виска крутит, дескать, чокнутые вы, что ли.

Утром на пляже увидели двух пойманных акул – каждая почти с тонну весом. Оказывается, там, где они купались, крючки на акул стояли. Аргентинца того чуть не задушили, так целовали. Бериашвили вспоминал: «Я ночью кричал. Шота Ломидзе утром потрогал мой лоб, спросил, помню ли как его зовут, и повел меня к доктору. Диагноз – акулий синдром»...

Гурам Сагарадзе расследование вел: кто из них первый предложил купаться среди акул. Никто не признался. Может, сам и предложил – у него, как ни у кого другого, в характере бесстрашие и богатырская удаля, которым и океан тесен.

ВРЕМЯ ПРИШЛО!

Пять июльских вечеров вся Грузия с замиранием сердца следила за выступлениями дуэта «Georgia». И ненапрасно. Набрав в сумме 352 очка, конкурсанты Мака Замбахидзе и Рати Дурглишвили принесли нашей стране долгожданную победу на конкурсе молодых исполнителей «Новая волна 2008», традиционно прошедшем в Юрмале.

Встреча в Юрмале

«Идея представить их в Юрмале как дуэт у меня возникла, когда Мака и Рати пели на «Волне Имеди», - рассказывает продюсер дуэта Майя Кипиани, - тем более, что дуэтов, как таковых, практически нет, и, как оргкомитет фестиваля, так и сам маэстро Игорь Крутой неоднократно выражали желание увидеть дуэт на конкурсе «Новой волны». Мою идею подхватило руководство телекомпании «Имеди». Мы с ребятами поехали в Москву, приняли участие в кастинге и прошли в финал».

«Мы с Рати были спокойны, потому что участие в «Волне Имеди» прибавило нам уверенности в себе и опыта. Поверьте, петь в дуэте очень сложно, все должно происходить на одном дыхании, нужно петь, как один человек. Но когда нам предложили принять участие в «Новой волне», мы просто пришли к выводу, что время пришло», - в один голос говорят Мака и Рати.

На конкурсе они исполнили три песни – две на английском и бессмертный «Ноктюрн» Арно Бабаджаняна и Роберта Рождественского. Вокруг последнего возникло много вопросов, на которые ответила Майя Кипиани. «Дело в том, что про все грузинские хиты, которые мы посылали в оргкомитет, нам отвечали,

что «для них это не хиты», и что «публика не поймет». Нам предложили спеть настолько несерьезные песни на грузинском, совершенно не отвечающие имиджу лирических исполнителей, на что мы не могли пойти. К тому же, за шесть лет проведения «Новой волны», все известные на постсоветском пространстве грузинские песни уже спеты. В этом году были упрощены условия конкурса, вместо национального хита можно было исполнить популярную песню на русском. И мы выбрали «Ноктюрн». Но, надо сказать, для публики это стало большой неожиданностью, потому что все ждали именно грузинской песни. Но уже к концу номера зал разразился бурей аплодисментов».

Сложно передать восторг участников от фестиваля. «Там все организовано на высочайшем уровне, я нигде такого не видела. На третий-четвертый день мы уже грустили о том, что нам придется уезжать через три недели. В это время никто не думает ни о победе, ни о проигрыше. Все так сдружились между собой», - восхищенно отозвалась о конкурсе Мака Замбахидзе.

Планами на будущее с прессой поделилась продюсер дуэта: «Мы пересмотрели все песни, которые написал Рати. Несколько из них мы уже отобрали и начинаем работать над ними. Впереди – выступления в Батуми, в Киеве, в Ереване, где специально подготовили вечер Арно Бабаджаняна».

Первой своей задачей участники дуэта считают запись альбома и клипа на песню Рати Дурглишвили «In love we swim» («Мы плаваем в любви»), принесшую им победу. «Разумеется, у нас есть уже готовые песни, но для альбома нужны новые. И в этом мы очень надеемся на нашего Рати», - лукаво улыбаясь, сказали Мака Замбахидзе и Майя Кипиани.

По словам последней, конкурс в Юрмале - «не только музыка, но и бизнес, и даже политика». В связи с этим, большое удивление вызвало приветствие президента Грузии Михаила Саакашвили к участникам и организаторам фестиваля. «Интрига в том, что все приветствия зачитывали ведущие, а это – сама примадонна Алла Пугачева. Мы ничего об этом не знали, поэтому, сюрприз удался», - сказала Мака Замбахидзе. Особо Мака и Рати отметили звонок Католикоса-Патриарха всея Грузии Ильи II с благословением и пожеланием победы. Президент Грузии наградил участников дуэта «Georgia» Орденом Чести, мэрия Тбилиси подарила два автомобиля «Шевроле».

С самого начала дуэт «Georgia» сложился как классический, академичный, и этот имидж им очень подошел. Но сами певцы утверждают, что работа в дуэте - очень кропотливый труд, «все выверено по секундам, каждый жест, каждый взгляд, брошенный в зал». Их профессионализм отметили и режиссер фестиваля, легендарная личность Александр Ревзин, и неподражаемая Лайма Вайкуле, но главное отличие конкурсантов из Грузии, и это отметили даже самые суровые критики, в том, что они «поют для зала, а не для жюри, поют для удовольствия, а не для оценок».

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

Валерий Харютченко

И ХРАМ, И ВЕРА

У него внешность чеховского интеллигента. Облачите в сюртук начала прошлого века, грим делать не надо – вот он перед нами – ищущий, думающий, раздираемый внутренними страстями герой Чехова. Но на то Валерий Харютченко и есть большой актер, что умеет изменить до неузнаваемости эту близкую ему по духу сущность. Каким только не видел его зритель на сцене: трагичным, забавным, изломанным, ироничным. И всегда разным.

Помимо таланта Харютченко обладает поразительной трудоспособностью. Поэтому успевает многое. Показал тбилисцам свой спектакль «Заплыв по реке Забвения». Осуществил несколько режиссерских замыслов, поставив моноспектакль по «Маленьким трагедиям» Пушкина. А его поэтические вечера, посвященные памяти Бориса Пастернака, Николая Гумилева, поэтический спектакль «Честь тебе, Петербург чародейный!» постоянно проходили в атмосфере активного внимания аудитории, любителей Слова...

Познакомились мы в далеком 1972 году, когда он впервые пришел на телевидение. Наша редакция работала над литературной композицией, посвященной очередному помпезному юбилею эпохи застоя. Чтобы «сохранить лицо», мы долго отбирали поэтические строки, старались избежать «шедевров» соцреализма. В студии собрались занятые в постановке актеры-грибоедовцы Даниил Славин, Михаил Иоффе, Юрий Суханов и совсем молодой Валерий Харютченко. За внешней

хрупкостью актера чувствовался дух пылкого артистизма. Глубокая затаенность сквозила в его импульсивных движениях. Свой монолог он читал проникновенно.

«Кто это, какой интересный, молодой артист, – заметила театровед Этери Гугушвили, заглянувшая на репетицию, – чувствуется школа...»

«Щепкинское окончил», – ответила я.

«А родом откуда?» – «С Курильских островов».

Родился Валерий на острове Шимшу Курильской гряды, на которой его отец командовал артиллерийским дивизионом. Потом семья переехала в Москву, а затем в Вышний Волочек, где в детском театре он получил свои первые театральные впечатления.

Руководителем курса Щепкинского училища у него был Николай Анненков, у которого в свое время учились Олег Даль и Инна Чурикова. В студенческие годы Валерий общался с Леонидом Филатовым, Володей Качаном, ставшими знаменитостями. После окончания училища у Валерия появился шанс попасть в театр на Малой Бронной к Анатолию Эфросу.

Однако судьба распорядилась иначе – в Луганске скончался отец актера, и он не мог оставить мать. «Юрий Васильев, мой товарищ по Щепкинскому училищу, который год проработал в Тбилисском театре им. А.С. Грибоедова, предложил мне приехать в Тбилиси, где свой очередной спектакль собирался ставить Петр Фоменко. Так я оказался в театре, которым в ту пору руководил Гига Лордкипанидзе», – рассказывал Валерий.

«Мастер и Маргарита»

С тех пор он органично вписался в творческий коллектив грибоедовцев. Сегодня трудно представить, что когда-то он не был тбилисцем.

В годы моей работы на телевидении нас связывали творческие контакты. Не могу не вспомнить литературную передачу, посвященную памяти Акакия Церетели, которая по праву вошла в золотой фонд Грузинского телевидения, стихи великого поэта читал Валерий Харютченко. Мне довелось видеть его во многих спектаклях: это Жадов Островского, Чацкий Грибоедова, Герострат Горина, мольеровский Тартюф, доктор Штокман Ибсена, Гаев Чехова, Никита Арбузова, Букин Вампилова...

«Сцена – это рождение твоей роли и живой реакции зрительского зала. И когда эта реакция возникает, ты чувствуешь себя счастливым», – говорит актер.

«Харютченко – актер эмоционального склада, и даже отрицательные образы в его исполнении не лишены обаяния. Он появляется на сцене... и все вокруг нас меняется», – так отмечала театральная критика. В пьесе «Дорогая Елена Сергеевна» Л.Разумовской его монологу зрители аплодировали в середине действия. Не аморальному поступку героя, а актеру Харютченко – за виртуозное мастерство. Своеобразную трактовку придает он образу Каренина в инсценировке романа Л.Толстого «Анна Каренина». «Ведь дети остаются с ним. Разве это ни о чем не говорит», – сказал Харютченко в интервью, «оправдывая» своего Каренина.

Свой крест он несет по праву христианского долга. Любовь не обернулась синонимом жизни. И зритель сопереживает вместе с ним. Идет очередной спектакль «Жизнь прекрасна» (играем Чехова). На сцене Харютченко. Он в образе. Он окутан дымкой печали. И в памяти невольно всплывают слова Льва Толстого «труднее и блаженнее любить эту жизнь даже в страданиях. Любить жизнь... Любить Бога...»

«Во многих актерах на сцене видна технология игры. В творчестве Харютченко этого не увидишь», – отмечал режиссер Котэ Сурмава.

Роль Иешуа в спектакле «Мастер и Маргарита» – одна из лучших актерских работ Харютченко. Актер несет в себе художественную стихию и чуткое понимание религиозности, призывая познать высшую Истину, в которой царили бы только Добро и Любовь.

В инсценировке по рассказу Достоевского «Кроткая» он аккумулирует свою вину, крича вслух о своем грехопадении.

В свое время выдающийся исполнитель героев Достоевского Леонид Леонидов писал, что играть Достоевского нельзя, его можно только «выстрадать на сцене». Харютченко ведет свой полуторачасовой монолог на высоком накале нервного напряжения, используя огромный диапазон чувств. Каждая реплика пронизана глубиной мысли, в роли нет ни одной проходной фразы. Такой подход заложен в индивидуальности актера. Без таких качеств как глубина, про-

«Райские яблочки»

«Забыв Герострата»

«Сны о Грузии»

фессионализм, нельзя было бы и подступиться к миру героев Достоевского. Жаль, что в свое время ему не довелось сыграть Гамлета и князя Мышкина – роли, о которых мечтал.

Харютченко называют актером с врожденным талантом боли за судьбу человека. Отсюда жажда актера переселяться в чужие души, переживать чужую беду и чужую радость как свою личную. «Сердечность и добро, оставленные на сцене никуда не пропадают», – говорит сам актер.

Художественный руководитель театра Автандил Варсимашвили назвал Валерия Харютченко честью и совестью Грибоедовского театра, сравнил с руставелевским актером Георгием Гегечкори. Таких личностей обычно выбирают «сталкерами» – проводниками

на пути к человеческим сердцам. Для Харютченко театр – и храм, и вера. Но вера особого свойства, вера в ценность и значимость Игры, в духовный и психологический смысл лицедейства.

Мне часто приходится слышать, что Харютченко самый раз взяться за педагогическую работу. Ему есть что сказать, чему учить, как выразить духовную суть явлений... А еще следует сказать Валерию слова благодарности за его отношение к нашей выдающейся актрисе Наталье Бурмистровой, которая в последние годы была прикована к постели.

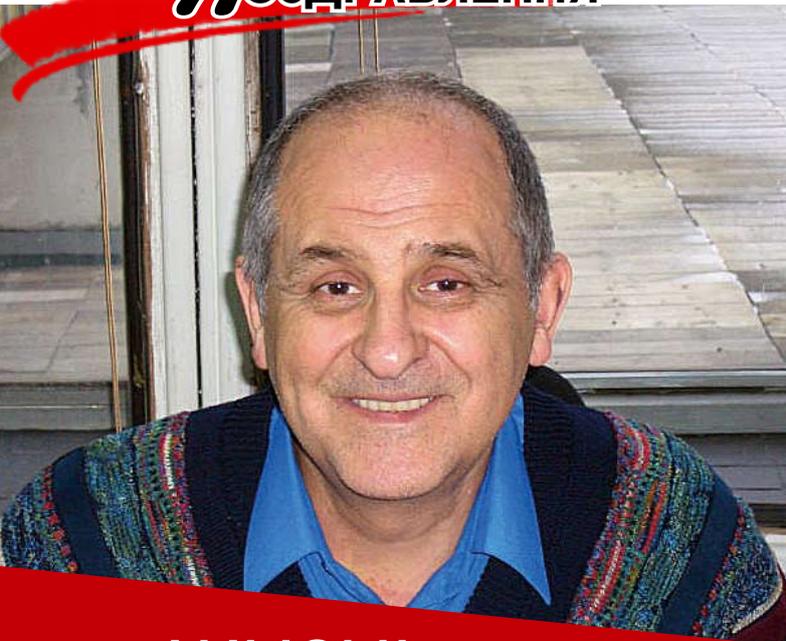
Это отдельная страница его жизни – альтруиста и верного друга.

Он никогда не щадил себя, работал на износ. И беда подкралась. Судьба послала ему тяжелое испытание. Почти три месяца шла борьба за его жизнь. Две операции лечащие врачи назвали сражениями. Каждый день в театр поступал бюллетень его здоровья. Коллеги дежурили в палате, где неотлучно находилась жена Инна. Были звонки взволнованных зрителей. За любимого актера многие молились. Кто-то из его поклонниц принес крестик, освященный в иерусалимском соборе Гроба Господня.

В храме Самеба меня подвели к чудодейственной иконе «Шен хар венахи». Горели свечи. Вокруг шептали: «...Она помогает...» Но главное, чтобы Ты сам верил, что вернешься в свой храм. Даже в самые тяжелые ночные часы не терял надежды.

И этот день настал...

Нелли УЗНАДЗЕ

ЖИЗНЬ БОЛЬШАЯ, ИНТЕРЕСНАЯ

Исполнилось 70 лет нашему большому другу поэту, драматургу, актеру, журналисту и просто хорошему человеку Зауру Квижинадзе. Эти 70 лет вместили в себя большую, интересную, разнообразную жизнь, наполненную радостью и печалью, успехами и неудачами, мечтами и надеждами, любовью и дружбой, победами и поражениями. За эти годы Заур сменил множество городов и стран, живя и работая на западе, востоке, севере и юге: от Западной Украины до Сахалина и от Архангельска и Северодвинска до Тбилиси, Баку, Еревана, Сухуми, Гагры и Ялты.

И везде, где бы ни жил и где бы ни работал этот удивительный человек, он старался находить и сеять доброе и светлое, за что, как правило, получал от людей любовь, доверие, сердечность и ласку. Ему, выпускнику Московского государственного университета, пришлось поработать и на нефтяных разработках Тюменского края, и на киностудии «Мосфильм», и в Кутаисском конструкторском бюро, и в Тбилисской промыслово-геофизической партии, и на Грузинском телевидении, и в Тбилисском государственном русском драматическом театре им. А.С Грибоедова и снова на «Мосфильме», именуемом уже Киноконцерном.

Сегодня его место жительства – Москва, а место работы – Телекомпания НТВ, где он успешно трудится старшим редактором Программной дирекции.

Годы, проведенные в Тбилиси, особенно дороги

и памяты Зауру. Именно здесь, в Грузии, он окончательно сформировался как творческая личность с собственным литературно-драматическим почерком. Здесь же он совершенствовал свою поэзию, истоки которой следует искать в его студенческом периоде и в жизни на Севере. Будучи принятым в Грибоедовский театр с подачи прекрасного режиссера Александра Товстоногова и не менее прекрасного директора Отара Папаташвили, Заур окончательно расстался с приобретенной в университете специальностью геофизика, посвятив себя театру, кино и телевидению.

А еще Грузия дала Зауру его главную любовь, его ангела-хранителя - жену Валентину, которая посвятила свою жизнь отчаянной борьбе за признание творчества и таланта Заура.

К своему юбилею Заур подошел, имея в активе три поэтических сборника, множество песен для спектаклей и фильмов, сборник детских песен (совместно с композитором Нуну Габуния), детские пьесы, успеш-

Заур Квижинадзе с супругой Валентиной

но выдержавшие сценический экзамен в Москве, Калининграде, Тбилиси, Перми, Днепропетровске, Лондоне инсценировку думбадзевского романа «Закон вечности», выполненную совместно с замечательным режиссером Гайозом Жордания и признанную самим Думбадзе лучшей, а также написанные для Свободского прихода церковные стихи, поэмы и пьесы, заслужившие особое одобрение христианской общины и удостоенные Диплома Святого Патриарха всея Руси.

По инициативе Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» в рамках Международного русско-грузинского поэтического фестиваля-2008 выпущен диск «Сказочный мир прекрасен», куда вошли песни из детских спектаклей на стихи Заура Квижинадзе с музыкой Тенгиза Джаиани и Александра Раквиашвили. Диск посвящен Году семьи и предназначен для семейного прослушивания.

Мы поздравляем нашего дорогого Заура Квижинадзе с юбилеем и желаем ему здоровья и творческих успехов.

Николай СВЕТИЦКИЙ

ТРИ ПОРТРЕТА АННЫ ПАВЛОВОЙ

Легендарная балерина была излюбленной моделью фотографов и художников, стремившихся запечатлеть необычайную пластику ее движений.

В 1922 году, находясь в Париже, Павлова позировала для портрета трем русским художникам Александру Яковлеву, Василию Шухаеву и присоединившемуся к ним Савелию Сорину. Сеансы проходили в мастерской-ателье Яковлева на Монпарнасе. Сохранились уникальные фотографии, запечатлевшие это событие.

Творческое содружество Александра Яковлева и Василия Шухаева возникло в Петербургской Академии художеств в мастерской Д.Н.Кардовского, в которой они учились с 1908 по 1912-1913 гг. В их дружеских отношениях счастливо сочетались, дополняя друг друга, черты характера, помыслы, творческие

искания. Они были единомышленниками во взглядах на жизнь, на искусство, на свое творчество. Seriously относясь к своей будущей профессии, они старались максимально использовать время учебы, для приобретения знаний и необходимых навыков мастерства. В этом отношении занятия в мастерской Кардовского оказались для них плодотворными. Альфой и омегой педагогической системы Кардовского была работа с натуры. Это стало основной заповедью для всех, кто прошел его школу. События октября 1917 года разделили друзей. Яковлев после командировки на Дальний Восток оказался в Париже, а Шухаев только в 1921 году с помощью друга через Финляндию прибыл во Францию.

Еще будучи студентами Академии художеств, Яковлев и Шухаев заявили о себе как превосходные рисовальщики. Их рисунки, исполненные сангиной, поражали своей пластичностью, четкой моделировкой формы, точностью штриха и стройностью линий. Овладев в совершенстве этой техникой, художники на всю жизнь сохранили к ней особую привязанность.

Методы работы обоих художников были сходными. Оставаясь верными натуре, они, работая над портретом, предварительно создавали этюды и эскизы сангиной, в которых как бы прощупывали форму, уточняли и разрабатывали моделировку лиц, выверяли

композицию. Тщательно выписывая лицо модели, они стремились не только к передаче внешнего сходства, но и проникали в глубины характера человека.

Работая над портретом Анны Павловой, художники придерживались тех же принципов: были написаны предварительные эскизы и этюды сангиной, а затем уже приступили непосредственно к созданию живописного портрета.

Одна особенность была свойственна творческому мировосприятию Шухаева и Яковлева: не приемля салонной красоты академического искусства, в портретных работах они склонялись к некоторой гротескности, сознательно подчеркивая ту или иную черту внешности или характера модели. Это делало написанные ими портреты не всегда лицеприятными и уж, тем более, никогда не льстившими моделям.

Портреты Анны Павловой, созданные Шухаевым, Яковлевым и Сориным, отражали индивидуальное мировосприятие столь разных художников. Вера Федоровна Шухаева, супруга художника, вспоминая об этой совместной работе, писала, что на портрете Сорина Павлова «конечно, красивее, чем на портретах Шухаева и Яковлева, которые всегда гонялись за характерностью модели, иногда в ущерб красоте». Долгое время о судьбе этих портретов ничего не было известно. Однако в 2007 году портрет работы Шуха-

ева был продан на аукционе Кристи за баснословную цену. Судьба яковлевского портрета определилась еще в 1983 году, когда он был подарен Государственной Третьяковской галерее его владелицей, живущей во Франции.

Шухаевский «Портрет Анны Павловой» написан почти в натуральную величину. Художник стремится подчеркнуть пластичность ее позы, изящные жесты рук, внимательно выписывает легкие воздушные складки пачки. Видимо, когда он приступил к созданию большого живописного произведения в 1924 году, ему не хватило тех этюдов, которые были сделаны в 1922 году, и он попросил Веру Федоровну надеть балетную пачку и позировать ему. Сохранилась фотография, свидетельствующая об этом.

Портрет балерины исполнен в смешанной масляно-темперной технике, часто используемой художником для написания лиц в портретах: обычно лицо исполнялось масляными красками, придававшими ему плотную эмалевидную поверхность, а все остальные аксессуары писались темперой, что создавало красивый матово-бархатистый тон. Шухаев не стал льстить своей знаменитой модели: лицо балерины с подчеркнуто крупным хрящеватым носом и выпуклыми глазами несет следы усталости и разочарования.

При сравнении шухаевского и соринского портре-

тов становятся наглядными различия художественной концепции обоих мастеров в подходе к изображаемому. Однако на этот раз и Яковлев отступил от свойственного обоим друзьям-художникам правила. Сохраняя ту же композицию, он подчеркнул лебединый изгиб шеи, породистый нос с горбинкой, томно опущенные глаза, заученную сценическую улыбку. Все это создавало облик, полный изящества и обаяния, передающий банальное представление толпы о «звезде» на вершине славы. Яковлевский портрет балерины стал парадным портретом-картинной в отличие от более камерного шухаевского.

Верность натуре и последовательное отстаивание принципов реализма придавало работам Шухаева подлинность документов эпохи. Поэтому «Портрет Анны Павловой» это не только еще одно ее изображение в длинном ряду произведений искусства, посвященных балерине. Он несет в себе как бы частицу ее духа, передает черты внешнего и внутреннего облика, подмеченные острым взглядом художника и увековеченные кистью большого мастера.

Знакомство с этим произведением В.И.Шухаева будет интересным для почитателей творчества художника и тех, кто преклоняется перед талантом и памятью великой русской балерины.

Нонна ЭЛИЗБАРАШВИЛИ

КАПРИЗНАЯ НЕВЕСТА

Вот и осень пришла. Сентябрь – рев, гроздобер, вресень – время сбора виноградных гроздей. На древней Руси после окончания сельских работ, до рождественского поста осень была одним из периодов свадеб. «Лето, осень – припасайка, а зима – прибирайка», говорят пословица.

Осенью старались создавать семьи, чтобы долгами зимними вечерами молодые успели притереться друг к другу, свыкнуться с новой жизнью, а весной уже вместе готовиться к весенним полевым работам.

Крепкая дружная семья всегда почиталась народом, а потому и в сказках даже капризные царские дочери становились хорошими хозяйками, верными подругами, помощницами.

Почитайте сказку.

Н е помню, когда, в какие годы — то ли при царе Степане, а может быть, и ранее, — жил-был князь со своей княгиней. Была у них дочь — красавица невеста. Капризная была. Никак жениха себе не подберет. Тот не хорош, тот не таков, а тот еще хуже.

Часто князь давал балы для нее. Собирались гости со всего царства — молодые люди, барышни и так всякие кавалеры. Только, кто бы ни пришел, она над ними со своими санными девушками все равно насмеется: либо курнос, либо недорос, либо глаз косит.

Вот однажды царский сын прибыл. Прослышал про красавицу невесту и решил счастье испытать. Притихли гости, любятесь на царевича.

А княжна глянула и говорит:

- Ух, какой пришел! А ведь знаете, этот парень на дрозда похож.

Громко сказала, вслух. Смех между гостей пошел.

- Царевич-дроздовик, ха-ха-ха!.. Царевич-дроздовик, хи-хи-хи!..

Смутился царевич, обидно ему стало, к двери повернулся.

Старый князь разгневался, прикрыл бал и при всех дочери сказал:

- Нет моих сил терпеть твое своевольство! Не будет тебе больше пиров! Отдам тебя замуж за первого, кто завтра ко мне придет.

Царевич-дроздовик - уж его прозвали дроздовиком - услышал, уходя, эти слова.

Наутро рано одевается он в нищенскую одежду, лицо золой измазал, суму через плечо перекинул. Подходит под окошко князя. Заиграл на лире, просит милостыньку.

Князь говорит:

- Кто там?

Прислуга отвечает:

- Нищий.

- Позвать его сюда!

Позвали царевича-дроздовика в дом.

- Ты женатый? - спрашивает князь. - Я вот хочу тебя на своей дочери женить.

Царевич-дроздовик и виду не подает, что за этим пришел.

- Вы, ваша милость, - говорит, - хозяйева над нами. Как вы хотите, так и я желаю.

Тут его с княжной и повенчали. Плачет молодая княжна, а царевич-дроздовик ей говорит:

- Ну, жена, сколько ни плачь, а домой идти надо.

Хоть жалко князю дочь, да ведь от мужа-то нельзя жену отбивать.

Поднялись они и пошли. Идут от села к селу. Подойдет царевич под окошко, поскрипит лирой, выпросит яичко, выпросит лепешку - покормит молодую княжну. И опять идут.

Подходят они к его полям.

Княжна спрашивает:

- Чьи ж это поля?

- Это царевича-дроздовика, - говорит муж.
Вздыхнула молодая княжна: «Эх, хороши!»
Однако ничего не говорит, в уме держит.
Подходят они к лугам. Цветами луга
разукрашены. Пасутся там стада.
Княжна спрашивает:
- Чьи же это луга?
- Царевича-дроздовика.
Подходят они к бахам.
- Чьи же это такие бахчи роскошные?
- Царевича-дроздовика.
Подходят они к дворцам.
- Чьи же такие дворцы это? - спрашивает
княжна.
Муж отвечает:
- Это царевича-дроздовика.
Приуныла княжна. «Эх, что же я не пошла за
царевича-дроздовика замуж? - думает. - Очень он
богат, и все у него хорошо».
Посадил ее царевич у дороги и говорит:
- Пойду во дворец, спрошу: не возьмут ли меня
бахчи сторожить?
А бахчи-то все его. Он уже это дело обдумал.
Подходит и говорит:
- Нанялся.
Ведет он княжну на бахчи в курень. Соломки
настелил, котелок на таганок поставил - вот и все их
имение.
Выдадут им пшеница, сальца. Сварит он каши,
тем ее и питает.
Тяжело молодой княжне. Непривычна она к
мужицкой жизни. Однако молчит, только слезы
тихонько льет.
Вот царевич и говорит:
- Как бы нам что-нибудь придумать? А то жало-
ванья мало, харчи плохие. Можешь ты торговать?
- Да, может быть, и смогу, - говорит княжна.
Уж нужды-то она набралась, княжеский лоск с
нее соскочил.
- Ладно, — говорит царевич, - завтра жалованье
получу, куплю для продажи горшков.
На другой день купил царевич воз горшков. Дал
денег своим слугам и приказал:
- Стоит горшок пятиалтынный, платите двугри-
венный. Хоть и не нужны горшки - берите.
Распродала княжна все горшки. Вернулась в ку-
рень, хвалится — большой барыш получила. Ее уже
азарт взял. Наутро сама мужа посылает:
- Иди, еще горшков купи. Да одного воза мало,
два воза купи.
Вывезли на базар. Стояла, стояла - никто не
берет.
А царевич побежал во дворец, умылся,
переоделся, сел на коня и на базар выехал.
Пришпорил он коня и давай по горшкам плясать.
Все перебил горшки.
Заплакала бедная княжна и пошла в курень.
А царевич в нищенскую одежду переоделся, лицо
золой вымазал, вперед нее в курень прибежал и лег.
Приходит она — он лежит на соломе и будто только
проснулся.
- О чем плачешь? - спрашивает.
- Да как же мне не плакать? Нынче неудачная
торговля.
Рассказала мужу, как ее царевич-дроздовик оби-

дел.

- Значит, ты несчастлива в торговле, - говорит
он ей. - Ну погоди, не плачь. Пойду я во дворец,
поговорю - не наймут ли тебя в горничные. Только
сможешь ли ты?

- Смогу, - отвечает княжна. - Чай, у самой
горничные были.

Сходил царевич во дворец. Вернулся, говорит:
- Велели приводить. Есть место.

Пошли они туда. Отец и мать царевича знают, что
она им родня, вида не показывают. Дали ей место.
Стала она старшей горничной. Прислуживает княжна
во дворце за столом, царю с царицей угождает, а
сама о муже думает: как он там в курене голодный
сидит? Вот остались от обеда кусочки, она собрала
их и мужу принесла.

- Ах, жалко, - говорит, - остается там горячее
кой-какое. Зря пропадает.

На другой день берет горшочек с собой.
Привязывает его под фартуком. Что послаще,
сливает туда, кусочки, какие остаются, складывает.

А царь с царицей за ней следят, примечают: как
она, жалеет мужа или нет?

Видят, привыкла она к царевичу-дроздовику,
полюбила его, хотя он для нее не царский сын, а
нищий.

Вот говорят царь и царица сыну:

- Сынок, что ты ее так долго мучаешь? Открылся
бы ты ей. Пусть она у нас будет как семейная наша.

- Ну что же, - говорит царевич, - назначайте бал.
Да старого князя с княгиней, родителей ее, зовите.

Открыли царь с царицей пир на весь мир.

Позвали князя с княгиней. Те и не знают, где
дочь их, нет про нее слуху.

А она горничной тут. Все остатки в свой
горшочек сливает да складывает.

Кончился обед, пошли танцы.

Княжна-то страсть любила танцевать. Гости
танцуют, а она все выглядывает из-
за дверей.

Царевич-дроздовик это видит.
Танцевал, танцевал, да вдруг
подскочил, подхватил ее и завертел
вокруг себя.

У ней горшочек-то из-под фартука
выскочил и разбился. Что в нем было,
по полу разлилось.

Сделалось ей стыдно. Вырвалась
она да бежать. Царевич ее подхватил и
удержал. Подводит к царю с царицей.

- Ты, - говорит, - моя жена, я твой муж.
А это - мои отец и мать.

Обняли ее царь и царица, поцеловали.

Поднялись с места старые князь
и княгиня. Узнали они свою дочку,
обрадовались, что жива и здорова.

Выходит, хитрый парень был
царевич-дроздовик, отучил жену
привередничать.

И я у них была, булки-то ела,
да в рот положить не успела. Так
мне скушать и не пришлось.

БАБУШКА ДАРЬЮШКА

II СПОРТИВНЫЙ ЮНОШЕСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ РОССИЙСКИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ ЗАРУБЕЖЬЯ

ГЛАВНОЕ – УЧАСТИЕ

Тысяча ребят нынешним летом оказались в Москве. Это большое событие не есть спартакиада или другое чисто спортивное соревнование. В первую очередь, фестиваль – это встреча друзей по спорту.

Первый спортивный юношеский фестиваль российских соотечественников зарубежья, прошедший год назад, стал событием, показавшим, что ребята, которые живут в разных странах, на разных континентах, могут собраться, пообщаться, побывать в музеях и на концертах, чтобы, вернувшись к себе домой, знать, что страна живет, развивается и думает о своем будущем – о молодежи. Фестиваль далек от политики, главная цель организаторов – собрать воедино весь русский мир, показать уехавшим из страны ребятам, что их исторические корни в России.

Итак, юные участники фестиваля, от 13 до 17 лет, из 41 страны приехали со всего мира, чтобы состязаться в десяти видах спорта: волейбол, мини-футбол, легкая атлетика, вольная борьба, настольный теннис, бадминтон, армрестлинг, шахматы, шашки и аэробика.

Уровень подготовки спортсменов не был основополагающим при отборе их к соревнованию. Преобладал олимпийский принцип: главное не победа, а участие.

Однако, некоторым игрокам для попадания в сборную пришлось пройти горнило отбора. Так что соревнования обещали стать яркими и содержательными. Начался фестиваль с парада спортсменов, прошедших под знаменами своих стран. Потом состоялась официальная часть. Перед собравшимися выступили председатель президиума Международного совета российских соотечественников (МСРС) граф Петр Шереметев, вице-президент Национального олимпийского комитета РФ, заместитель министра спорта, туризма и молодежной политики Геннадий Алешин, почетный председатель МСРС, мэр Москвы Юрий Лужков.

После официальной части началось театрализованное действо. Ребят приветствовали именитые спортсмены. Они символически открыли соревнования, вкатив в зал гигантский футбольный мяч и отправляя к зрителям воланчики для игры в бадминтон. Перед ребятами выступили звезды российской эстрады. И если в начале церемонии зрители сидели на своих

местах, то после зажигательных мелодий в исполнении группы «Банд`эрос» зал танцевал, уже не было деления по командам. Спортсмены, которым на следующий день предстояло сражаться друг с другом, вместе распевали любимые песни.

Свои двери юным спортсменам распахнул олимпийский комплекс «Лужники». На северном спортивном ядре и в спортгородке состоялись соревнования по мини-футболу и легкой атлетике. В спорткомплексе «Чертаново» состязались в армрестлинге, клуб «Новая лига» собрал поклонников малой ракетки и волана. В «Олимпийской деревне-80» принимали вольную борьбу и спортивную аэробику. На площадках СК «Луч» развернулись сражения волейбольных сборных, а в шахматном клубе имени Т.В. Петросяна, что на Большой Дмитровке, встречались любители интеллектуальных видов спорта – шахмат и шашек.

В составе молодежной сборной, представляющей Грузию, участвовали легкоатлеты, волейболисты, футболисты, шахматисты, теннисисты. Большинство из них – известные спортсмены-юниоры, имеющие русские корни. Среди них призеры чемпионата Европы по шахматам Давид Ломсадзе, чемпион Грузии, мастер ФИДЕ, и Саломе Хажомия, четырехкратная чемпионка Грузии в своей возрастной категории, чемпионы Грузии, призеры чемпионата Европы по настольному теннису Вирав Казарян и Давид Цатуров, чемпионы Грузии по волейболу, легкой атлетике, футбольная команда-клуб «Шевардени» – чемпионы Грузии, два игрока из которой – Имедо Чикаришвили и Георгий Чокорава приглашены в сборную страны. Среди участников – медалистка прошлого турнира, легкоатлетка Лика Двалишвили (прыжки в длину), внучка обладательницы двух бронзовых олимпийских медалей Надежды Двалишвили-Хныкиной. Возглавлял спортивную делегацию председатель Союза русской молодежи Грузии Александр Беженцев.

Наша команда традиционно выступала под эгидой «Русского клуба». Как всегда, большую помощь в ее отправке оказал президент «Русского клуба» Николай Свентицкий, экипировавший сборную парадной формой с эмблемой страны, игровой формой, рюкзаками, кепками.

- Наша сборная показала хороший результат, - подводит итоги фестиваля Александр Беженцев, - в условиях очень сильной конкуренции и почти вдвое возросшего числа участников, две золотые медали и одна серебряная – достойный результат.

Давид Ломсадзе и Саломе Хажомия оправдали возлагавшиеся на них надежды и завоевали золотые меда-

ли в соревнованиях по шахматам. Отлично выступили Вирав Казарян и Давид Цатуров, которые завоевали серебряные медали в парном соревновании, уступив лишь в финале (призовыми считались первые шесть мест).

Волейбольная и футбольная сборные Грузии заняли пятое место, а сборная по легкой атлетике – шестое. Футболисты проиграли всего одну встречу – серебряному призеру турнира Литве. Помимо запланированных соревнований состоялось и одно неформальное – футбольный матч между сборной соотечественников со всего мира и командой мэрии Москвы. Матч завершился вничью – 3:3, а лучшим игроком матча был признан представитель грузинской сборной Звиад Звამбая.

Финальным аккордом фестиваля стал торжественный прием от имени мэра Москвы в государственном музее-заповеднике «Царицыно».

За неделю соревнований и экскурсий смогли встретиться и познакомиться друг с другом сотни ребят из разных уголков мира.

- Мы не ставили главной задачей достижение высоких спортивных результатов. Основной идеей было подвигнуть

весь русский мир к такому формату общения детей. Возможно, в дальнейшем возникнет идея организовать какое-нибудь большое соревнование соотечественников, в рамках которого встретятся не только дети, но и взрослые. И не обязательно, чтобы это были большие спортсмены. У нас уже есть задумки того, как провести фестиваль в 2010 году, но всех секретов я пока раскрывать не буду, - отметил руководитель Москомспорта Михаил Степанянц.

На память о фестивале ребятам достались грамоты, подписанные мэром Москвы Юрием Лужковым и графом Петром Шереметевым, и символ фестиваля – мягкий бельчонок.

Ирина СОРОКИНА

Наталья Бурмистрова. 1947г.

ПОДЛИННО НАРОДНАЯ АРТИСТКА

Администрации Тбилисского
государственного русского
драматического театра
им. А.С. Грибоедова,
дирекции Международного культурно-просвети-
тельского Союза
«РУССКИЙ КЛУБ»,
родным и близким
**НАТАЛЬИ МИХАЙЛОВНЫ
БУРМИСТРОВОЙ**

Все мы, кто работал с ней, дружил, общался, встре-
чался и просто знал по замечательным ролям на те-
атральных сценах, в кино и на телевидении, глубоко
скорбим в связи с кончиной великой актрисы и доб-
рого и прекрасного человека. Удивительная, глубоко
сердечная и доброжелательная, фантастически талан-

тливая и трудолюбивая, воистину народная артистка,
Наталья Бурмистрова всегда и везде была любима и
почитаема всеми, кто хоть как-то с ней сталкивался,
общался, работал, отдыхал, выступал или даже прос-
то поговорил однажды, чтобы не забыть уже никогда
эту замечательную, красивую и лучезарную женщину.
Государства и правительства награждали ее звания-
ми и орденами, а простой народ, ее зритель отдавал
ей самое дорогое – свою любовь. И любовь эту На-
таша возвращала всем нам, раз за разом выходя на
сцену и обращаясь к каждому из нас... Сегодня мы
далеко от родного коллектива, потому что судьба раз-
бросила нас по всему свету, но мы все равно скорбим
вместе с вами, дорогие наши любимые! И вместе с
вами провожаем в последний путь нашу родную и
любимую Наташу. Пусть земля ей будет пухом.

Грибоедовцы и друзья:

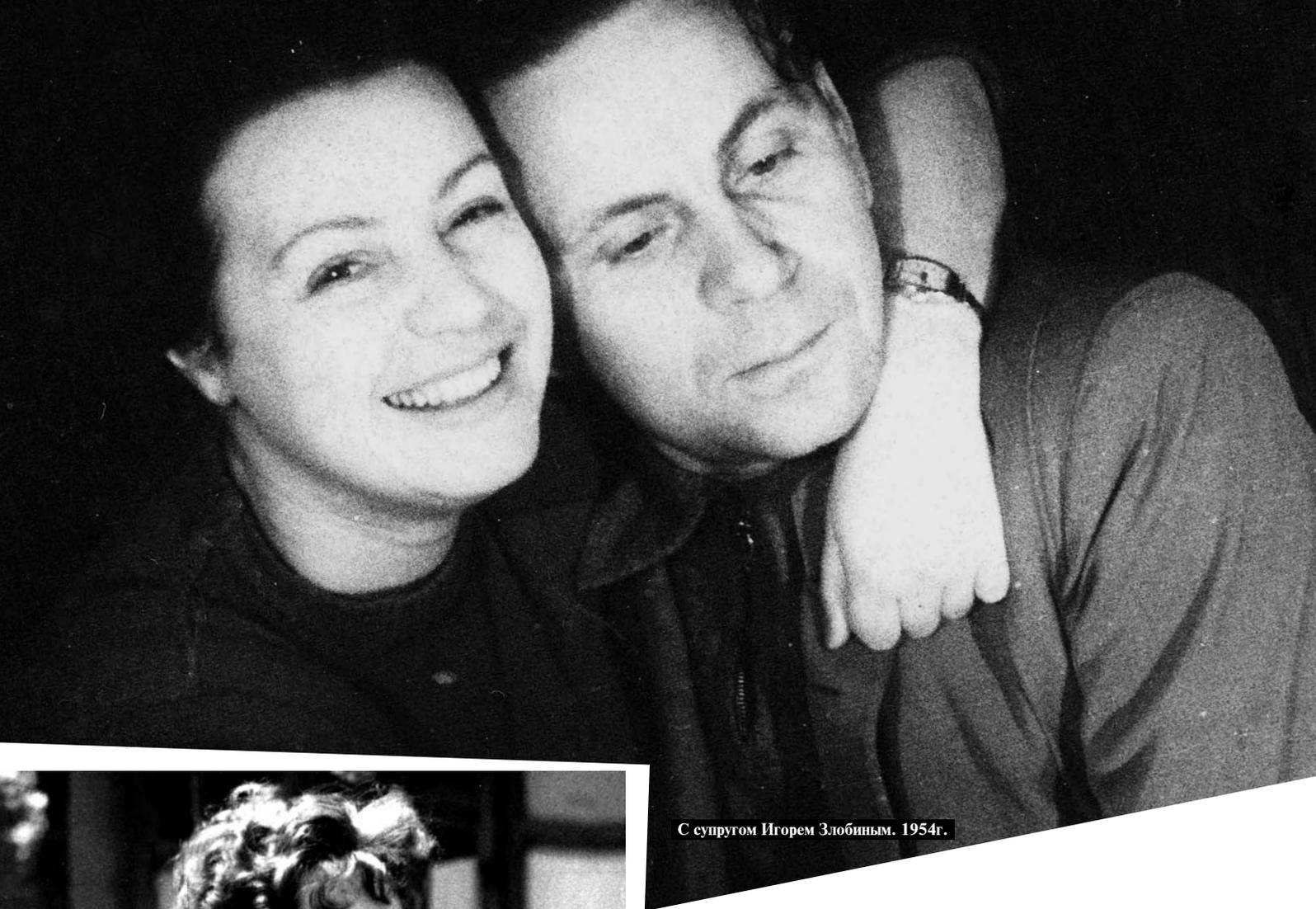
*Елена Килосанидзе, Ирина Сташевская, Лариса
Некипелова, Инна Савронская, Татьяна Ельчанино-
ва, Нелли Абрамова, Анатолий Смиранин, Ефим Бай-
ковский, Нина Артуновская, Софья Терехова, Татья-
на Загребельная, Ирина Подкопаева, Игорь Пилиев,
Майя Кобахидзе, Нонна Плотникова, Елена Чаркви-
ани, Александр Топурия, Светлана Головина, Юрий
Светлый (Гевенян), Анна Смирнова, Армен Зурабов,
Владимир Семин, Александр Раквиашвили, Гарри
Параджанов, Елена Пискунова, Марина Николаева,
Анна Макагон, Татьяна Иванова, Волемир Грузец,
Тамара Соловьева, Борис Казинец, Светлана Казин-
ец, Юрий Юрченко, Алексей Батиашвили, Роман
Пахлеванянц, Зинаида Талоева, Михаил Иоффе, Нина
Иоффе, Ирина Обрезкова, Михаил Чавчавадзе, Вик-
тор Гордиенко, Виктор Захаров, Татьяна Жиронкина,
Татьяна Лаврентьева, Лариса Крылова, Алла Конт,
Валентина Кудряшева, Владимир Бурмистров, Свет-
лана Варданян, Сергей и Вета Виноградовы, Лана
Гарон, Валентина Демченко, Нора Кутателадзе, Рита
Минеева, Игорь Минеев, Андро Окрочедлишвили,
Вазген Петросян, Заур Квижинадзе.*

Наталья Михайловна Бурмистрова прожила яркую
жизнь, полную драматизма и одиночества. Такова
судьба всех великих. Она и есть великая актриса. Она
народная актриса не только по званию. Она одна из
последних великих народных актрис.

Мое заявление, возможно, звучит сегодня слиш-
ком круто. Другие времена, другое поколение, другие
духовные ценности. Но перебирая в памяти все, что
было, и все, что есть сегодня, я пытаюсь сопоставить
масштабы известности, любви народной и боюсь, что
впереди ничего подобного не будет. На встречах со
зрителями старшего поколения не припомню ни одно-
го случая, когда узнав, что я художественный руко-
водитель Грибоедовского театра, меня не спросили бы
о Наталье Бурмистровой.

Она оставила в сердцах зрителей такую память,
какую оставляют только великие.

Автандил ВАРСИМАШВИЛИ

С супругом Игорем Злобиным. 1954г.

1961г.

Казалось, она всегда была и будет с нами, время и смерть не властны над ней. Она единственная и неповторимая. Отныне ничем не восполнить образовавшуюся брешь, а ведь нам так необходимы люди, чья духовная красота находит путь к человеческим сердцам. Наталья Бурмистрова сполна оправдала высокое звание народной артистки, истинной актрисы в широком смысле этого слова, фанатично влюбленной в театр, в профессию актера.

«Для меня искусство интересней собственной жизни», – как-то призналась она. И тем самым повторила клятву Верико Анджапаридзе: «Сцена – моя жизнь!» Ее триумфом стали любовь и благодарность зрителей. Многочисленные поклонники ее таланта хорошо помнят то душевное волнение, которое дарила эта очаровательная женщина на сцене, даже случайная встреча с ней в городе была приятным событием.

Она могла украсить любую сцену. Ей предлагали работать в театре Моссовета у Юрия Завадского, у Георгия Товстоногова в БДТ, во МХАТе. Но она любила Тбилиси и предпочла остаться в Грузии. Уроженка Белоруссии, Грузию она называла второй родиной.

На протяжении своей жизни Наталья Бурмистрова создала богатейшую галерею сценических образов. Свыше 200 ролей насчитывалось в ее репертуаре. Он дарил нам надежду, помогала отрешиться от житейских невзгод. Вживаясь в каждую новую роль, была

убедительна и достоверна в любом жанре, всегда сохраняя право на индивидуальность.

Возможно, в этом и был ее артистический феномен. Она всегда чувствовала пульс времени, была в центре общественной и культурной жизни города. Незабываемы для всех ее знавших дни общения с Натальей Михайловной. Простота, благожелательность, сердечность были ее природой.

Она старалась нести людям добро, умела их примирить, соединяя руки, души, сердца.

Слишком многое, как оказалось, связывало нас с этим дорогим именем.

От нас ушла легендарная актриса, без которой немислима история Грибоедовского театра. Ярчайший факел погас.

Нелли УЗНАДЗЕ

Нельзя не сказать об одном из главных качеств, которое характеризовало Н. Бурмистрову – ее самозабвенная влюбленность в театр, которому она с радостью отдавала свои силы, ум и сердце. За полвека бывало всякое, и неудовлетворенность собой, и обиды, и несправедливость, но как только раздвигался занавес – все отступало на задний план. «Я – на сцене, я – счастлива, – говорила Наталья Михайловна. – День спектакля для меня – праздник, интересная роль – огромная радость». До самого последнего времени.

Актрису всегда отличала необычайная творчес-

кая дисциплина, огромная трудоспособность, умение мгновенно собраться, работать всегда и везде. И еще она была добрым, умным, отзывчивым человеком с тонким чувством юмора. До самого конца сохранившим ясность ума и способность сопереживать.

«Дело, которому ты служишь...» К сожалению, мы так часто употребляли эти слова, что они порядком поистерлись, потускнела их первоначальная значимость. А сколь емко это понятие, ведь за ним и счастье того, кто обрел дело своей жизни и служит ему верой и правдой, и радость тех, кто пожинает плоды такой деятельности.

К числу людей, к которым в полной мере можно отнести эти слова, принадлежала наша соотечественница – народная артистка СССР, почетный гражданин Тбилиси, кавалер многих орденов и медалей, депутат Верховного Совета Грузии двух созывов Наталья Бурмистрова.

Донара КАНДЕЛАКИ

«В человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Так оно и есть: лицо, сияющее с обложки журнала «Русский клуб», излучающие флюиды души глаза, тут все по Чехову.

Кто мог бы подумать, что, дожив до десятого десятка, можно было в такой цельности и сохранности сберечь свое «душевное хозяйство – внутренний мир с юных лет охваченный силой, какой-то, совершенно неодолимой тяги к жизни, к людям, ко всему тому, что служит утверждению, наивысшей ценности бытия – человеческого взаимопонимания.

Что может помочь нам понять и рассекретить отсутствие «шва» в соединении чисто творческих и истинно человеческих начал этой исключительно цельной личности.

Не потому ли задаешься отгадкой того, как последовательно, шаг за шагом, от роли к роли, по ступенькам ввысь, синхронно, со сценическим талантом, крепчал характер, рос сам человек, обладавший чутким слухом, сказочно отзывчивой души.

В сыгранных Натальей Михайловной ролях всегда проступала природа создателя сценического образа.

Когда зрители настороженно вслушивались в исповедь чеховской Чайки: «Я уже настоящая актриса. Я играю с наслаждением, с восторгом, пьянею на сцене и чувствую себя прекрасной... и когда думаю о своем призвании, то не боюсь жизни», – в этих словах Нины Заречной слышался голос Натальи Бурмистровой, голос художника, нашедшего себя в искусстве и жизни.

История русского театра в Грузии – это целая эпопея поучительных примеров установления и развития межнациональных взаимоотношений.

Ничто не может угрожать целостности и сохранности книги, страницы которой огнеупорны.

Летописи естественных, человеческих, добрых, сердечных отношений не горят.

Михаил ГИЖИМКРЕЛИ

*მასსიათებლებიდან
ფასეულობეზამდე!*

505 505

www.vtb.com.ge

ბანკი ქართვ CARTU BANK

Ваш надёжный партнёр

Грузия, Тбилиси 0162, Пр. Чавчавадзе №39^а ☎ + (995 32) 92 55 92 www.cartubank.ge